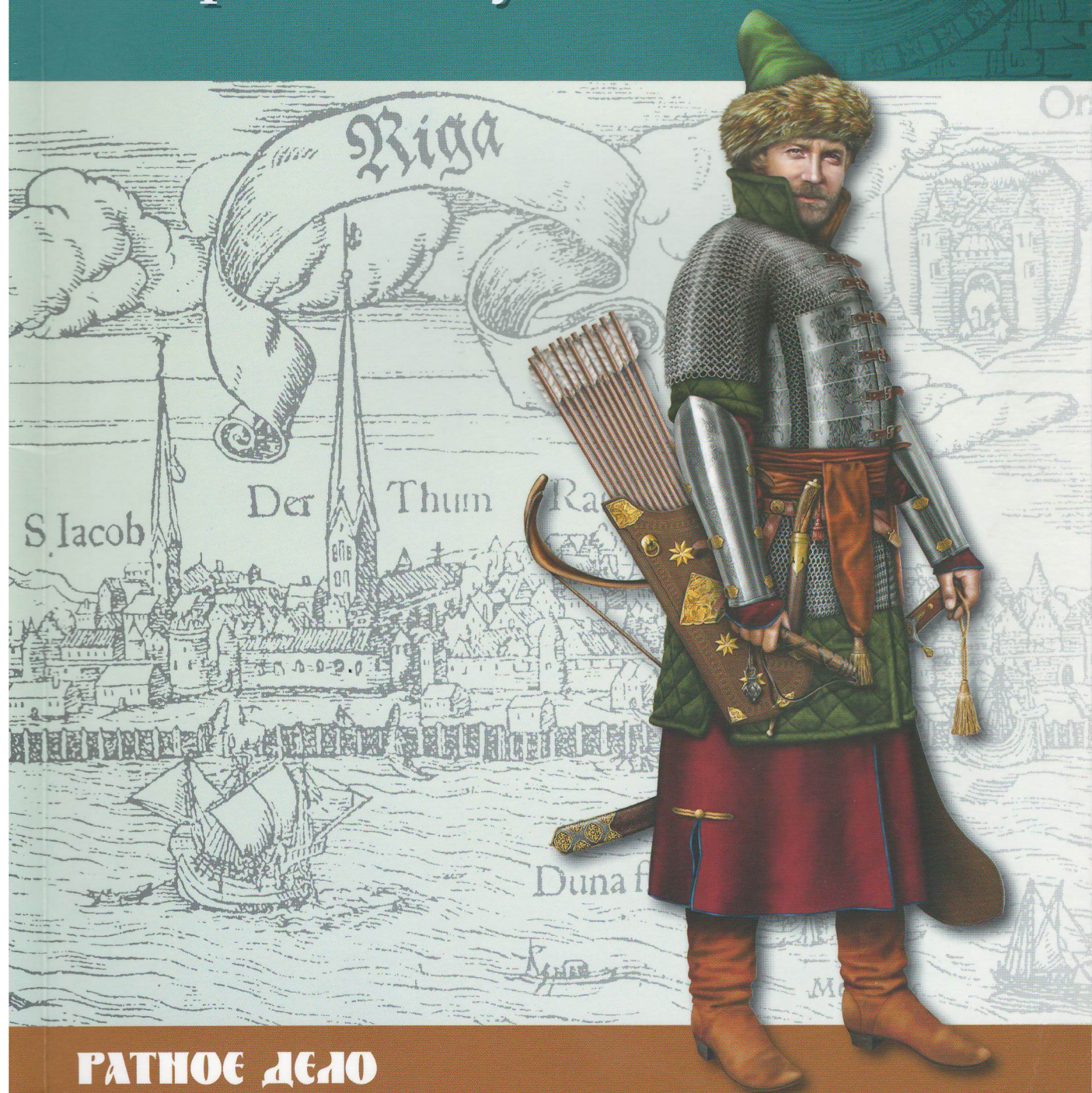

А.И. Филюшкин

ЗАКАТ СЕВЕРНЫХ КРЕСТОНОСЦЕВ

«Война коадьюторов» и борьба
за Прибалтику в 1550-е годы

РАТНОЕ ДЕЛО

Домский собор в Риге

Средневековая печать Дерпта (прорисовка)

А.И. Филюшкин

ЗАКАТ СЕВЕРНЫХ КРЕСТОНОСЦЕВ

*«Война коадьюторов»
и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.*

Москва • 2015

УДК 4(430:474)”15”

ББК 63.3(4Гем)4+63.3(4Лат)4+63.3(4Эст)

Ф57

Филюшкин, Александр И.

Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг. / Александр Филюшкин. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. – 72 с.: фот. – (Ратное дело). – ISBN 978-5-9906036-6-0

Научный редактор серии: А.В. Малов.

Книга посвящена последним страницам истории северных крестоносцев — Ливонской ветви Немецкого ордена, в середине XVI века доживавшей свои последние дни. Орден погибал в огне локальных войн и междоусобных столкновений. Он был разрушен как изнутри, мятежными силами, так и извне, не выдержав военного и политического давления соседних государств — «молодых хищников» Европы (Швеции, Дании, Польши, Литвы, России). Можно ли было спасти Ливонию? Был ли у нее шанс остаться на исторической карте? Кто виноват в гибели ордена? Кто был предателем, кто — последним ливонским рыцарем? Кто из соседей больше виноват в гибели ордена — Россия, Польша или Швеция? Могла ли Ливония противостоять агрессии в военном отношении? Об этом читайте на страницах книги.

Все фотографии ливонских замков и других историко-архитектурных объектов, опубликованные в этой книге, сделаны А.И. Филюшкиным в 2010–2013 гг., и ему принадлежит на них авторское право.

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 11-01-00462/а

На обложке:

Всадник поместной конницы – городской сын боярский, 1550-1560-е гг. Рисунок Ю. Юрова

© Филюшкин А.И., текст, примечания, карты, 2015

© Юров Ю. М., рисунок на обложке, 2015

© Филюшкин А.И., фотографии, 2015

© Фонд «Русские Витязи», издание, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
За что боролись? Прибалтика в XVI веке	11
Возникновение ливонского вопроса.....	22
Россия и Ливония в первой половине XVI века: от торговых споров к «блокаде Московии».....	29
Как в 1551 году чуть не началась Ливонская война, и как в 1554 году она стала неизбежной	43
«Война коадьюторов» 1556–1557 годы.....	50
Заключение.....	61
Примечания.....	63

ВВЕДЕНИЕ

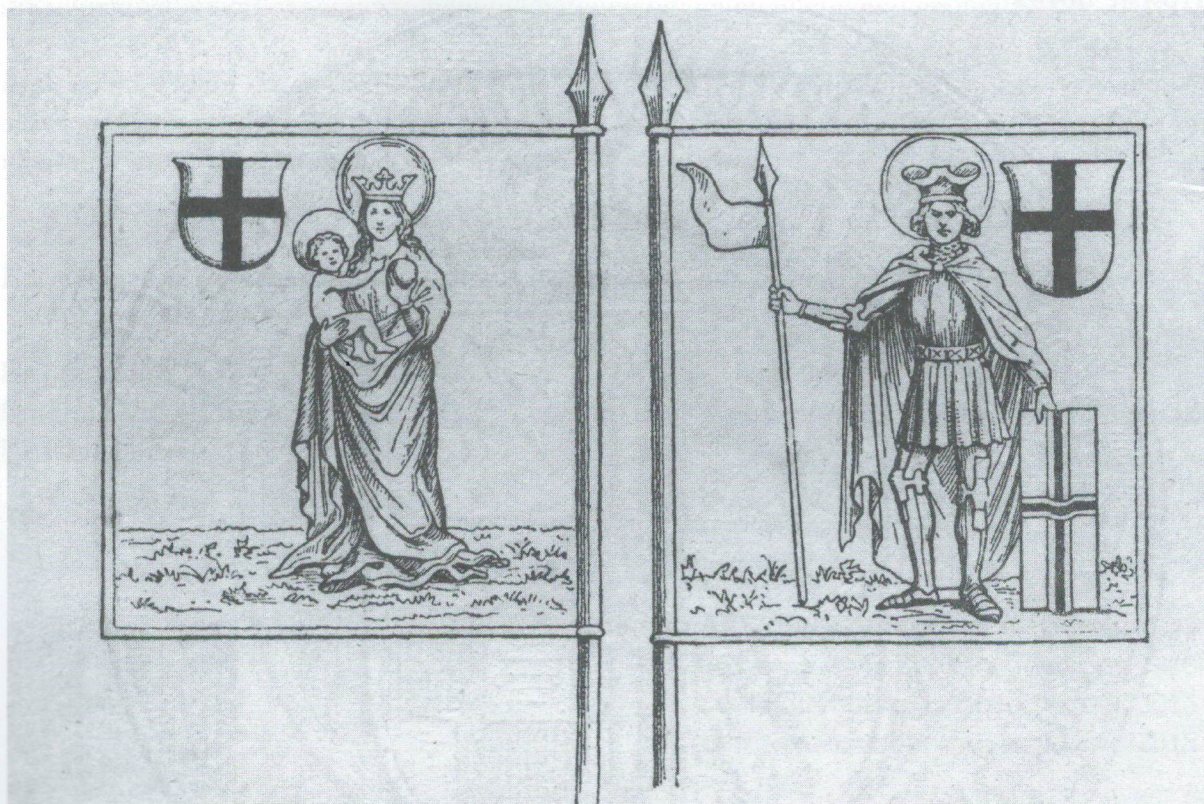
Борьба за *Dominium Maris Baltici*, «господство над Балтийским морем», составила самые славные и драматические страницы истории североевропейских государств. При этом нельзя сказать, что в период Средневековья, в XII–XV вв. «Господином Балтики» смогла стать какая-то одна держава. Разные политические образования сумели добиться первенства в какой-то одной сфере — военной, экономической, области государственного строительства. Но никто не достиг всесторонней власти над балтийскими землями и народами.

В военном отношении здесь, начиная с XIII в., самыми сильными были северные крестоносцы — немецкие рыцари. Они входили в Немецкий орден (*Fratrum Theutonicorum ecclesiae S. Mariae Hierosolymitanae*), который был

основан в Палестине в 1190-е гг. После поражения крестоносцев в Святой Земле они ушли в Европу и включились в крестовый поход против язычников Прибалтики. Немцы радикально изменили историю этого региона: были почти полностью уничтожены целые народы, прусы и ливы (по грустной иронии давшие после смерти свои имена двум ветвям ордена — старшей, Тевтонской (Прусской) и младшей, Ливонской). Остальные балты и финно-угры оказались порабощены и обращены в католичество.

В Эстонии до сих пор сохранились исторические памятники деятельности северных

Знамя Немецкого ордена. Прорись

крестоносцев — знаменитые храмы-крепости XIII в. на острове Сааремаа. Рыцари ставили их в нескольких сотнях метров от городищ-крепостей местных племен, и начиналось военное и религиозное противостояние. О его итогах говорят сожженные языческие городища и величественные католические церкви, непоколебимо стоящие до наших дней.

Рыцари покрыли Прибалтику замками и городами. Собственно, орден изначально выступал как военная защита деятельности католической церкви. По мере успеха ее миссии, распространения христианства в регионе, нужда в военной защите ослабевала. Зато церковь богатела, и ее князья — епископы — становились ливонскими ландсгеррами, «господами земли». В их владении оказалась значительная часть прибалтийских территорий.

Третьей силой в Ливонии выступали крупные торговые города — Рига, Ревель, Дерпт и т. д. Они входили в германский Ганзейский союз (Рига с 1282 г., Ревель и Дерпт — с 1285 г.¹). В экономическом отношении Ливония была своеобразной страной-тираном. Процветание края обеспечивалось благодаря посреднической торговле между Западной и Восточной Европой.

В политическом плане фактически Ливония была конфедерацией, в которой *de iure* власть была разделена между ландсгеррами — епископами и орденом, а *de facto* часть власти была еще и у городов, которые противостояли и епископам, и орденским властям, иногда даже военным путем. У всех членов ливонской конфедерации — и у ордена, и у епископов, и даже у городов — были свои армии.

Эти армии вели тяжелые многолетние войны с Великим княжеством Литовским, Королевством Польским, Новгородской и Псковской республиками. Современники говорили, что берега Немана — реки, отделявшей рыцарей от земель с русским и литовским населением — были пропитаны славянской кровью. Шансы покорить русские и литовские земли, входившие в Великое княжество Литовское и Русское, были утрачены рыцарями после династической Кревской унии Литвы и Польши в 1385 г. и страшного разгрома Немецкого ордена объединенными силами поляков, литовцев, татар и восточных славян при Грюнваль-

Укрепленная церковь-замок Св. Мартина в Вальяла (построена около 1227 г.).
о. Сааремаа

Укрепленная церковь-замок Св. Марии в Пёйде (XIII в.). о. Сааремаа

де в 1410 г. Шансы немцев продвинуться на восток, на Новгородчину и Псковщину, исчезли еще раньше, ушли под лед Чудского озера в 1242 г. вместе с рыцарским войском, уничтоженным Александром Невским во время «Ледового побоища».

В результате в XV в. в Прибалтике складывается своеобразная ситуация, которую современный историк М.Б. Бессуднова метко определила как «мир-экономику», пользуясь терминологией знаменитого французского историка

Карта Ливонии 1574 г.

Фернана Броделя². Возник «треугольник» экономических и государственных центров: Ливония, Новгородская республика, Псковская республика. Они весьма взаимовыгодно торговали и обеспечивали благодаря этому взаимодействию свое экономическое развитие. Иногда между ними вспыхивали конфликты, в том числе и военные. Войны велись в основном для того, чтобы экономический партнер стал посговорчивее. Никогда за всю историю новгородско-псковско-ливонского противостояния в XV веке стороны не ставили вопрос о завоевании, покорении друг друга.

С конца XV — начала XVI в. Балтийский мир начинает меняться. На пороге гибели оказываются немецкие рыцарские ордена — Тев-

тонский и Ливонский. Первый в 1466 г. был разбит Польшей в так называемой Тринадцатилетней войне (1454–1466). По Торуньскому миру (1466) он потерял часть территории и оказался в зависимости от польских королей. А в 1525 г. Тевтонский орден из религиозно-рыцарской организации превратился в светское Прусское герцогство, правитель которого принес присягу на верность королю Сигизмунду I. Пруссия стала частью Королевства Польского. Ливонский орден к началу XVI в. значительно ослабел, утратил свою боевую мощь и тоже искал высоких покровителей среди более сильных держав.

С конца XV в. на Балтике стремительно слабнут позиции Ганзы. Она все меньше контролирует морские просторы и международную торговлю. Ее теснят конкуренты — молодые державы: Дания, Швеция, Россия, Польша.

При этом в сфере борьбы за балтийскую торговлю сложилась довольно своеобразная ситуация: никто — ни «старые» негоцианты, ни «молодые хищники» — не хотели передела сложившейся карты торговых путей и направлений прибалтийской торговли. А вот поменять состав купцов на этих путях, потеснить чужих и пустить своих — вот этого желали бы многие. Главной мечтой было взять под контроль данные торговые пути, стать их верховным господином.

Ганза, несмотря на все свое ослабление, молодым претендентам на новую роль на Балтике все равно была не по зубам. А вот Ливония оказалась в крайне невыгодном положении. Многие годы она фактически выступала главным перевалочным звеном, своеобразным «рынком-посредником» между европейскими странами, Россией и далее Востоком. Страна обладала отлаженной структурой заморской торговли, богатыми землями, развитыми городами. Все это, казалось бы, составляло силу и славу Ливонии, свидетельствовало о важности этого государства на балтийской арене.

А теперь именно эти факторы стали для Ливонии роковыми. Ливонские земли выглядели для «молодых хищников» слишком соблазнительной добычей. Тем более их защищала крошечная армия в несколько сотен рыцарей и несколько тысяч их вассалов и солдат-кнехтов. Захват Ливонии не ставил бы под угро-

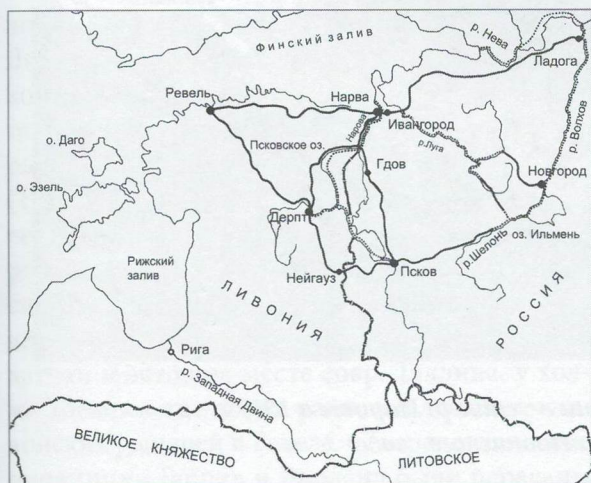
зу всю систему балтийской торговли — у нее просто сменился бы хозяин. А поучаствовать в переделе ливонских богатств возжелали бы многие...

Кто в первую очередь «покушался» на Ливонию? В результате присоединения Пруссии в 1525 г. широкий выход к Балтийскому морю получила Польша. Если бы ей удалось вслед за бывшим Тевтонским орденом покорить еще и Ливонский, то под властью польских королей оказалось бы морское побережье от Одера до Наровы, а также богатые германские города, из которых наиболее лакомой добычей были Рига, Ревель, Дерпт. К тому же победа над Пруссией кружила голову Ягеллонам (так по имени основателя, великого князя Владислава-Ягелло, называли королей династии, правившей в Королевстве Польском и одновременно Великом княжестве Литовском). Хотелось развивать успех.

К агрессии в отношении Ливонии Польшу подталкивала, как ни странно, Пруссия, хотевшая видеть Ливонский орден в таком же зависимом положении, как и бывший Тевтонский. Поскольку в XIV–XV вв. тевтонский магистр считался более главным, чем ливонский, независимое существование ливонцев воспринималось в Пруссии как крайне обидное нарушение субординации.

С другой стороны, на Ливонию росло давление России. Последняя была создана как единое государство в конце XV в. великим князем Иваном III (1462–1505), за время правления которого территория, подконтрольная государю *всяя Руси*, увеличилась в шесть раз! Страна искала пределы своего расширения, свои естественные границы. На Балтике русские контролировали значительную часть морского побережья — участок Финского залива от устья реки Наровы до устья Невы. Однако он был мало освоен. Здесь почти не было городов — ни одного непосредственно на морском побережье и только два на судоходных реках, впадающих в Балтику — Ивангород и Невское устье. Россия не имела ни одного своего морского порта. Строить их было трудно и долго, да этого и не умели делать. Археологом Косточкиным показано, что в XVI в. русские как минимум трижды основывали крепость в устье р. Наровы — и каждый раз она погибала, так

Карта-схема прибалтийских торговых путей в XV – первой половине XVI в.³

*Строительство русской крепости в устье р. Наровы в 1557 г.
Миниатюра лицевого летописного свода*

и не сумев превратиться из маленького пограничного укрепленного пункта в морской порт⁴.

Зато рядом была Ливония с уже налаженной торговой и городской инфраструктурой. После присоединения Новгорода в 1471–1478 гг. и Пскова в 1510 г. прибалтийский «мир-экономика» прекратил существование, причем физически (разгон Ганзейского двора в Новгороде в 1494 г., массовые высылки новгородских и псковских купцов и замена их на московских). В результате состав торговцев с Ливонией во многом сменился. Пришли новые люди, с новым стилем ведения дел, новыми, более энергичными экономическими ухватками. Русские купцы активно проникали в Ливонию, занимали там целые улицы и городские кварталы, но развернуться в полную силу не могли. Напротив, им постоянно чинили препятствия, видели в них крайне нежелательных конкурентов. Вместо того чтобы осваивать побережье Финского залива, купечество упрямо, несмотря на все трудности, хотело отстоять свою долю в ливонской торговле. Другими словами, русским казалось, что проще завоевать Ливонию с ее готовой торговой инфраструктурой, чем создавать свою на диких невских берегах. Уже при Иване III в 1500–1503 гг. состоялась война России с орденом, получившая название Первой Ливонской. Было очевидно, что новое столкновение не за горами.

Другими претендентами на ливонские земли оказывались Швеция и Дания. В 1523 г. распалась Кальмарская уния, союз скандинавских государств под властью Дании, и Швеция обрела независимость. Она сразу же заявила о готовности бороться за власть над Балтикой. Ливония виделась легкой и желанной добычей. Датчане, в свою очередь, искали возможность компенсировать потери, понесенные в результате распада унии, и тоже обращали свои взоры на Ливонию, их древнее владение. Ревель (Таллин) был центром датских владений в Северной Эстонии с 1219 по 1346 г. (*taani linn* переводится как «датский город»). Легенда гласит, что флаг Дании — Даннеброг — был чудесным образом обретен во время сражения датчан и эстов на месте совр. Таллина, у холма Тоомпеа, где позже располагался замок ливонских рыцарей в Ревеле. Североэстляндские провинции Гаррия и Вирланд были переданы

датской короной в 1346 г. и Ливонскому ордену. В XVI в. Дания неожиданно «вспомнила» об этом своем «наследстве»

Таким образом, к середине XVI в. Ливония оказалась как бы в эпицентре геополитических устремлений сразу нескольких государств. При этом было очевидно, что сохранить независимость своими силами она не сможет. Выбирать приходилось из двух зол — ждать, пока тебя завоюют соседи, или успеть самой отдаться под чье-то покровительство, утратив при этом часть суверенитета. Плохо было то, что неотвратимость этого выбора в Ливонии понимали немногие. Как часто бывает в таких случаях, личные амбиции брали верх над задачами государственной безопасности: магистр ссорился с епископами, вассалы увлеченно грызлись с рыцарями, горожане, симпатизирующие протестантизму, противостояли и рыцарям, и католической церкви. За этими взаимными распрями мало кто думал

Русский купец. Немецкая гравюра XVI в.

об опасности, нависшей над страной, расположенной на участке суши, слишком лакомом для четырех более сильных европейских держав. А кто задумывался — тот ничего не делал для спасения Ливонии, а заботился лишь о своем благополучии. В середине XVI в. значительно возросла эмиграция из Прибалтики в германские земли...

Таково было положение дел в Прибалтике накануне того момента, когда, по выражению балтийского историка XVI в. Бальтазара Рюссова, над всеми не пролетел «великий коршун». В середине XVI в. начались многолетние кровопролитные войны за раздел Прибалтики. Их можно назвать «Балтийскими войнами». Под ними предлагается понимать: т. н. «войну коадьюторов» в Ливонии 1556–1557, Первую русско-шведскую войну 1555–1557, собственно Ливонскую войну 1558–1561, Русско-литовскую войну 1561–1570, Датско-шведскую войну 1563–1570, Московскую войну 1577–1581, Вторую русско-шведскую войну 1578–1583, Третью русско-шведскую войну 1589–1595, Инфлянтскую польско-шведскую войну 1601–1611, Датско-шведскую войну 1611–1613, шведскую интервенцию Северо-Запада России 1609–1617, борьбу Швеции и Речи Посполитой за Прибалтику в 1617–1629 гг.

В конце XVIII – начале XIX вв. русские историки М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин, создавая историю государства Российского, объединили несколько балтийских войн второй половины XVI в. в единую войну, которую они назвали Ливонской и датировали 1558–1583 гг. На самом деле вооруженные конфликты 1556–1595 гг. современниками воспринимались иначе. Они видели в них не одну длительную войну, а отдельные кампании, которые

в летописях и хрониках того времени назывались по-разному: «война с Литвой», «война со шведом», «война с Инфлянтами», *Bello Livonico* («Ливонская война»), *Bello Moscovico* («Московская война»). Ни в одной русской летописи или европейской хронике XVI века невозможно отыскать 25-летнюю Ливонскую войну. Да и само название «Ливонская война» на русском языке было впервые употреблено только М.М. Щербатовым и Н.М. Карамзиным в конце XVIII — начале XIX в. Однако оно прижилось и широко используется в научной и учебной литературе, хотя и является чисто условным, выдуманном историками XIX века.

Сущностью периода Балтийских войн является гибель «Немецкой Прибалтики», краткий период раздела региона на «Русскую Прибалтику» и «Польскую Прибалтику» («Инфлянтов»), с наличием в это же время «Датской Прибалтики» и «Шведской Прибалтики». В ходе балтийских войн погибли «Русская» (1618)* и «Польская» Прибалтики (1621)** и была утрачена «Датская» (1645)***. В итоге весь регион на 70 лет, до начала XVIII в., превратился в периферию Шведской империи. Ситуация в Прибалтике радикально изменится только в результате Северной войны 1700–1721 гг., когда Швеция будет разбита и вытеснена с прибалтийских берегов Российской империей.

Этой книгой мы открываем серию по истории Балтийских войн.

* Россия полностью утратила выход к Балтийскому морю в 1618 г. по Столбовскому миру со Швецией после Смуты.

** До взятия Риги в 1621 г. шведской армией Густава Адольфа.

*** Сааремаа (Эзель) был захвачен Швецией у Дании только после войны 1643–1645 годов.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ? ПРИБАЛТИКА В XVI ВЕКЕ

В Прибалтику немцы проникли в 1180-х гг., когда монах из братства Св. Августина из г. Бремена Мейнард начал проповедовать христианство среди местного народа ливов. В 1184 г. он основал в Юксули первую католическую церковь в Прибалтике. В 1201 г. была заложена крепость Рига, ставшая центром христианской епископии. Для защиты последней в 1202 г. был создан орден «Братьев Христова рыцарства» (*Fratres Militiae Christi*). В 1205 г. он получил от римского папы устав, составленный на основе *статута* ордена храмовников (тамплиеров). Рыцари имели символику: белый плащ с вышитым красным мечом и крестом. По ней ливонских крестоносцев также называли *меченосцами* («братами меча», *Schwertbrudere*). Основатель Риги Альберт в 1207 г. получил от императора право на владение и управление Ливонией.

В 1237 г., после разгрома ливонских рыцарей под Шауляем (1236) по решению римского папы Григория IX и немецкого магистра Германа фон Зальца Тевтонский и Ливонский ордена были объединены. Ливонский стал провинцией Тевтонского, перенял его устав и символику, хотя и сохранил своего магистра (который вплоть до 1520 г. утверждался в должности вышестоящими тевтонским магистром и главным капитулом) и органы управления.

История немецкого Тевтонского ордена в Пруссии представляет собой особую страницу в прошлом Балтики, и заинтересовавшийся ей читатель может обратиться к соответствующей литературе⁵. В дальнейшем повествовании основное внимание мы уделим Ливонскому ордену, как непосредственному герою нашей книги. В политическом отношении рыцарское государство формально было независимым. Но

одна часть прибалтийских земель считалась владениями ордена, а другая – собственностью католической церкви. Ливонские епископы с начала XIII в. номинально были князьями Священной Римской империи. Их верховным главой был вовсе не ливонский магистр, а римский папа.

Поэтому территория Ливонии оказывалась в сложном подчинении. Разными, при этом нередко спорными землями теоретически могли распоряжаться и верховный магистр Тевтонского ордена, и ливонский магистр, и император Священной Римской империи, и римский папа, и местные епископы во главе с рижским архиепископом. От неразберихи и анархии спасало только то, что и империя, и Ватикан редко вспоминали о своей самой отдаленной северо-восточной колонии, а тевтонцы занимались своими делами.

Отношения империи, папства, ордена и ливонских епископств были весьма сложными и запутанными. В перечне имперских округов 1495 г. Ливонии нет. Правда, при этом ей предлагалось платить имперские налоги (напр., *Getmeiner Pfenning* в 1495 г., сборы на борьбу с турками и т. д.). Еще в 1481 г. ливонский магистр Бернхард фон дер Борх обратился к империи с грамотой, в которой просил считать себя имперским вассалом в качестве подданного имперского князя — рижского архиепископа. Император Фридрих III в ответ прислал ему регалии на орденские владения, что вызвало большую напряженность как в Пруссии (великий магистр никогда не просил и не получал регалий от императора), так и в Риме (папа ревниво относился к подобным обращениям).

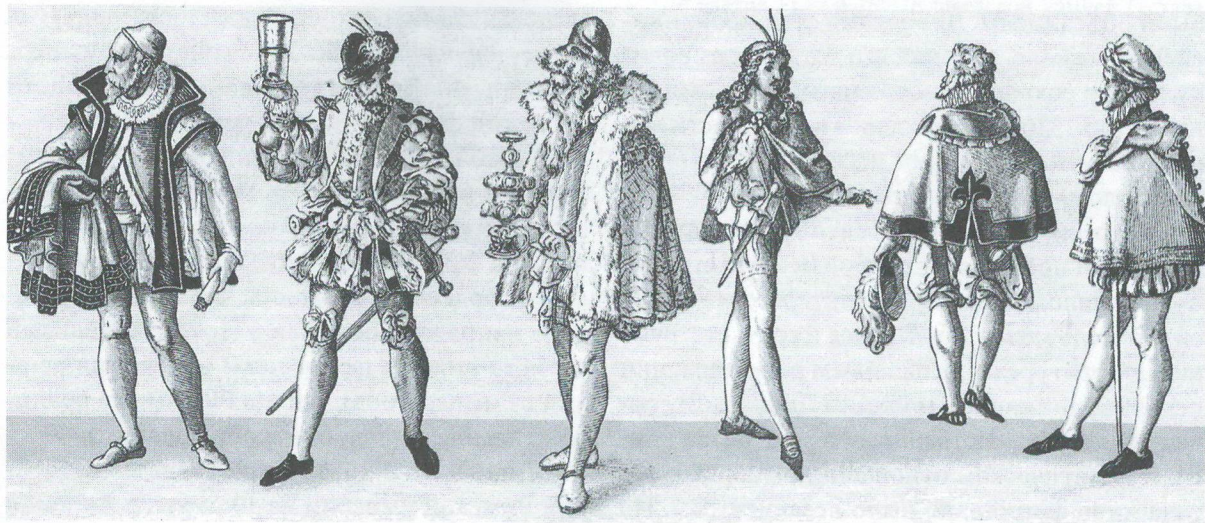
Лишь в 1512–1513 гг. при разделе Священной Римской империи на 10 округов Ливония

была включена в ее состав, причем вошла в одну провинцию вместе с Богемией и Пруссией. 24 декабря 1526 г., после падения Пруссии в Эсслингене была дана грамота, подтверждающая, что Ливония является частью Священной Римской империи, а в 1530 г. Карл V официально пожаловал в Аугсбурге ливонского магистра провинцией Ливонией. Теперь ливонский представитель мог присутствовать на рейхстагах, а магистр считался имперским князем⁶.

Сами ливонцы мыслили себя частью немецкого мира. Они дорожили и своими торговыми контактами с германскими городами, и происхождением своей государственности из времен Фридриха Барбароссы. Связь с империей выражалась и в подчеркнута привилегированном положении немцев внутри ордена — только они могли занимать значительные должности, в их отношении действовали особые льготные законы. Да и многие ливонские знатные фамилии были связаны родством с дворянами Вестфалии, Рейнских земель, Нижней Саксонии и Мекленбурга.

Но главным интегрирующим фактором был язык. Жители Европы от Рейна и Эльбы до Западной Двины и Наровы говорили на смешанных диалектах, но — диалектах немецких⁷. Учитывая то, что в колонизированных районах немецкий язык выступал языком господствующего класса, он служил маркером принадлежности к элите «христианского мира».

Типы германцев в XVI в. Гравюра

Карл V. Немецкая гравюра XVI в.

Родство с этим миром проявлялось и в подчеркиваемых деталях быта, организации городской и сельской жизни. Ливонцы принесли на колонизированные прибалтийские земли традицию строительства каменных (кирпичных) городских домов, центральных строений усадеб, небольших четырехугольных, но каменных замков. В городах дома располага-

лись лицевой частью на прямых, нередко мощеных улицах, возвышаясь коньками крыш над деревянными лачугами, хаотично «толпящимися» у их подножья. Камень подчеркивал мощь и силу немецкого начала по сравнению с недолговечными от угроз дождя и огня местными строениями. Одинаковой с европейскими была и планировка городов: в центре обязательно располагалась рыночная площадь, обычно отмеченная выразительной городской башней или ратушей. Непременным элементом германского пейзажа в Ливонии были доминанты католических соборов и мощная городская стена с массивными воротами, через которые и осуществлялся переход из ливонско-латгальского-эстляндского мира в уютный городской *als Vaterland*. Среда обитания местных жителей в глазах немцев была представлена, судя по описанию 1572 г. одним ревельским пастором своей паствы, вонючими, темными и переселенными землянками и лачугами, в которых в жутких бытовых условиях жили буквально «стада» человеческих существ.

Конечно, обрисованная выше картина больше характерна для крупных центров ордена (Риги, Ревеля, Дерпта и др.), а в большинстве ливонских городков и замков подобные черты были, скорее, только угадываемы. Но даже эти размытые символы указывали на ориентир, на желаемую духовную и культурную связь провинции с далекой империей. Связь эта была в большей степени односторонней: империя редко вспоминала о своей колонии, и лишь изредка выходцы из Ливонии удивляли германские города и земли. Например, из Ревеля происходил живописец Михаэль Зиттов (1470–1525), написавший портреты многих европейских коронованных особ.

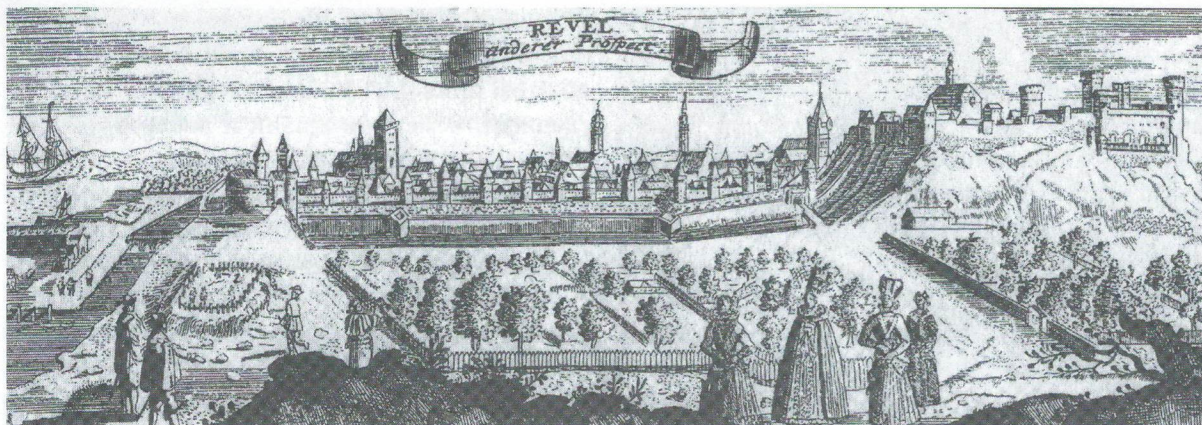
Остзейское дворянство вплоть до XVIII–XIX вв. гордилось своим происхождением от древних рыцарей, хотя, как показано Я.Я. Зутисом, лишь 25 % родов реально восходило к аристократам ордена, а подавляющее большинство происходило из министриалов, которые в качестве наемников хлынули сюда во время кризиса ордена в XV–XVI вв. из Саксонии, Вестфалии, Фрисландии и других германских земель⁸. Среди лифляндских немцев даже

еще в XVIII–XIX вв. была сильна культурная ориентация на Германию. Яркие свидетельства об этом приводит К. Случевский: «В истории здешней, немецкой жизни и литературы выискиваются всякие мелочи, лишь бы они гласили о связях с Германиею» — например, будто бы Шиллер продал первый экземпляр «Дон Карлоса» рижскому издателю, «Критика чистого разума» Канта тоже была издана в Риге, Гердер служил в Риге, и даже сам Гете был ранен на дуэли «лифляндцем»⁹.

В конце XV в. население Ливонии составляло около 500 000 человек¹⁰. Она состояла из трех исторически сложившихся территорий: Эстляндии (округа: Гарриен, Вирланд, Аллетакен, Оденпе, Иарвен, Вик, а также острова: Эзель, Даго и др.), Летляндии, а также Курляндии и Семигалии.

Эстляндия считалась наиболее развитой. Главными замками и городами Эстляндии были Ревель, Везенберг, Нарва, Дерпт, Кириппе, Лаюс, Феллин, Арнсбург и др. Главными городами и замками Летляндии являлись: Рига, Кокенгауз, Венден, Вольмар, Ашераден, Шмильтен, Мариенбург, Трикат и др. Главными пунктами Курляндии были Бауск, Грубин, Пильтен, Газепот. Вся Ливония, по В. Урбану, в XVI в. подразделялась на 22 дистрикта. Собственно Ливонский орден контролировал 59 % территории. 16 % принадлежало Рижскому архиепископству, 25 % — епископствам Дерптскому, Курляндскому, Эзельскому и 19 крупнейшим городам. Самыми большими из них были Рига (8000 жителей), Дерпт (6000), Ревель (4000)¹¹.

Состав населения Ливонии был полиэтничным. Высшую, орденскую аристократию составляли немцы, в основном выходцы из Вестфалии¹². Они были в основном приезжими. Количество орденской рыцарской аристократии не превышало 400–500 человек. Гораздо более многочисленную группу составляли т. н. вассалы — немцы по происхождению, вот уже 10–12 поколений живущие в Ливонии. Среди горожан большинство бюргеров также составляли немцы по происхождению, а в целом доля немецкого населения в поселениях замкового и городского типа составляла до 20 %. В некоторых пунктах, например в Риге, этнических германцев было большинство. Крестьянство же, напротив, в основном

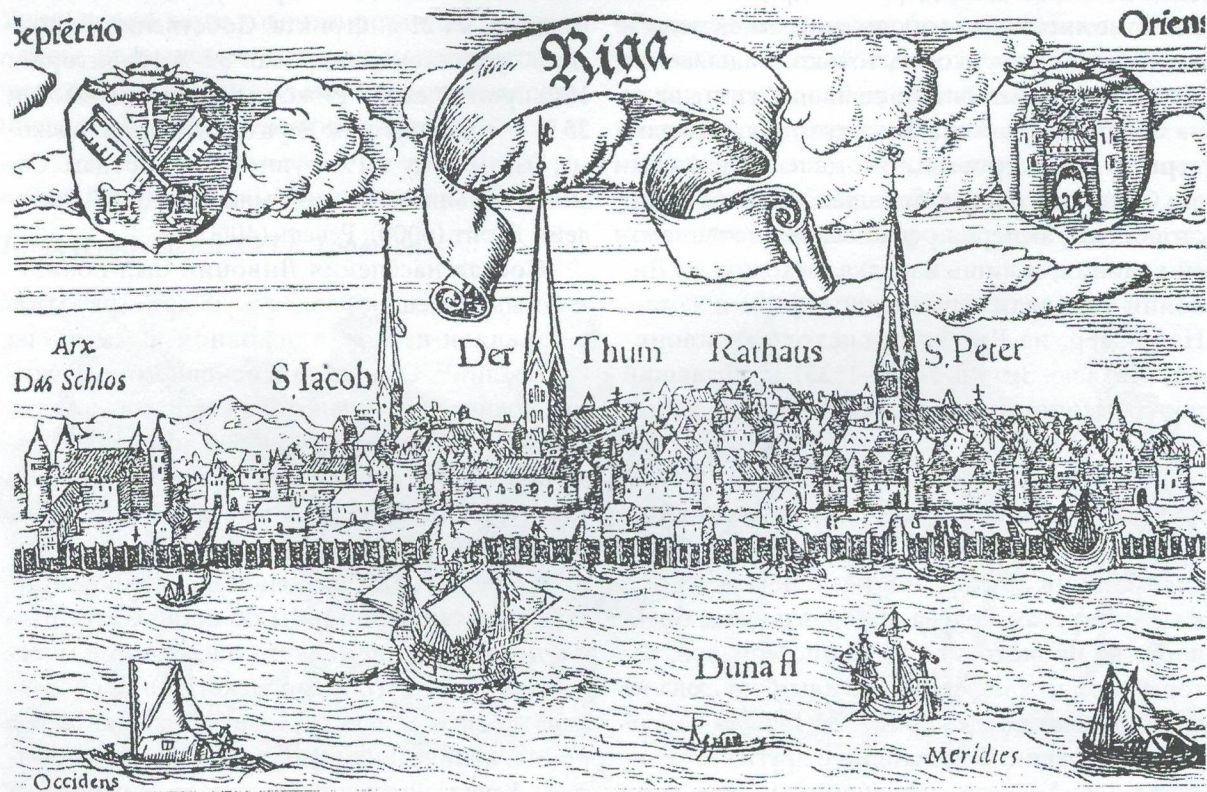
Ревель в конце XVI в. Немецкая гравюра

состояло из аборигенов: эстов, ливов, леттов, куршей, семигалов¹³.

Основу экономики Ливонии составляли сельское хозяйство, городское ремесло и торговля. Из России в Ливонию и далее на Запад везли ворвань, воск, лен, меха и сырые шкуры, сало, пеньку, мыло, холст и т. д. Большую статью ливонского экспорта составляло зерно, но его значительная часть была собственно ливонского происхождения. Примечательно, что, как

показано И. Клейненбергом, в XVI в. в русской торговле в Ливонии растет доля ремесленных изделий, в основном — предметов кузнечного и кожевенного ремесла¹⁴. В Россию же ввозили соль, серебро в слитках, олово, свинец, сельдь, сукна, изделия ремесла и предметы роскоши. Из Великого княжества Литовского в XVI в. через Ригу в Европу шли зола, деготь, лен, конопля — товары, востребованные в основном развивавшимися западными мануфактурами¹⁵.

Рига в 1547 г. Немецкая гравюра

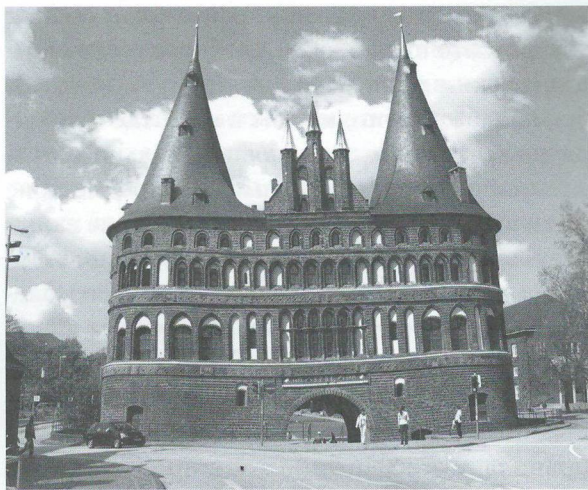
Об уровне торговых операций говорит то, что одним из коммерческих партнеров револьского купца О. Элерса в 1530-х гг. был сам... новгородский архиепископ Макарий, в 1542 г. ставший митрополитом всея Руси! Владыка торговал воском, меняя его на серебряные и оловянные слитки¹⁶.

Как можно оценить объем русской и литовской торговли через Ливонию накануне балтийских войн? К сожалению, таможенные книги русских городов за этот период не сохранились, и мы можем судить об объемах торговли только по достаточно бессистемным фрагментарным данным. Есть свидетельство 1599 г., в котором указано, что доход таможи Кокенгауза, контролировавшей западнодвинский торговый путь, «при архиепископах», то есть в первой половине XVI в., составлял 4000 талеров в год¹⁷.

Здесь примечателен один момент. Исследования М.П. Лесникова применительно к более раннему периоду, XIV–XV вв. (аналогичные подсчеты за XVI в. нам неизвестны), показывают, что европейские купцы по документам имели очень низкий процент прибыли — от 5 до 22 %, но в основном не более 5–6 %¹⁸. Эта картина никак не стыкуется с тем значением, какое современники придавали балтийской торговле, и с теми богатствами, которые она наглядно приносила (что видно из городского роста тех же Любека, Ревеля, Риги, которое происходило явно не за счет 5 % прибыли). Получается некая загадка — если купцы перепродавали в Любеке товар, купленный в Новгороде, почти по той же цене, то зачем они вообще занимались этой торговлей?

Разгадка кроется как в психологии купечества того времени, так и в особенностях торговых операций. Средневековая этика требовала т. н. «равной цены»: за сколько купил, за столько и продал. Сверхприбыли в 20, 50 и тем более 100 % считались неэтичными. Прилично было получить за свои труды лишь небольшой процент. Однако буквальное соблюдение таких этических принципов делало бы торговлю невыгодной.

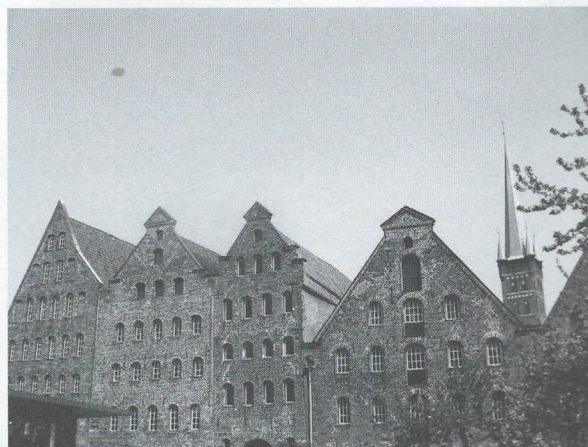
Поэтому изобретались различные приемы, как прятать прибыль. Одним из них была дифференциация мер веса, длины и объема. И.Э. Клейненберг показал, что в разных пун-

Городские ворота Любека — так называемые Голишинские ворота, XV в.

ктах в одну и ту же меру вкладывалось разное содержание. Например, шиффунт воска в Новгороде содержал 480 фунтов, в Ливонии он превращался уже в 400 фунтов, а в Любеке — в 320!¹⁹ Разница в 160 фунтов потом продавалась отдельно и составляла чистую прибыль, при этом купеческая этика как бы соблюдалась, поскольку цена почти не менялась. Аналогичную картину рисует Н.А. Казакова: ласт импортируемой соли в Ревеле ганзейцы определяли в 15 мешков, но в Новгороде он превращался уже в 12²⁰. Кроме того, существовала практика так называемых «наддач» (upgift), ко-

Так называемые Соляные дома в Любеке, XVI–XVIII вв. — построенные за счет балтийской торговли солью

торые ганзейцы вжимали практически со всех товаров: это пробы, образцы товара (отломанные куски воска, меха «на пробу»), которые брались бесплатно, как бы в качестве проверки товара, и часто составляли довольно значительные объемы²¹. Поскольку эти предметы не были куплены — то они официально не включались в приобретенный товар, и их последующая продажа составляла нигде не учитываемую чистую прибыль купца и при этом никак не нарушала средневековую этику.

Этика «справедливой цены» парадоксальным образом сочеталась с допустимостью правила «не обманешь — не продашь». Обмен, обвес, всучивание гнилого товара под видом первоклассного неэтичным не считались, а наоборот, свидетельствовали об искусности купца. Русские источники пестрят обвинениями в адрес и ганзейских, и ливонских купцов в подобных нарушениях. В 1488 г., когда новгородский наместник Ивана III приказал, страшно сказать, *взвешивать* ганзейские товары — это вызвало буквально взрыв беспокойства в Ливонии и Ганзе, бурную переписку и подготовку специального посольства в Москву с просьбой сохранить «старину», не взвешивать заморские бочки с медом и мешки с солью, а продавать по традиционным единицам

товара — мешкам и бочкам, без контроля за весом содержимого²².

Русский великий князь нашел гениальный ответ — он заявил, что немцам никто не запрещает продавать товар без взвешивания. А вот новгородцам нельзя без взвешивания совершать торговые сделки. Так что если немцы найдут в Новгороде покупателя на товар без взвешивания — то пожалуйста, торгуйте как хотите. А не найдете и будете торговать с новгородцами — то придется соблюдать установленные для них правила...

Недаром с конца XV — начала XVI вв. главными пунктами требований новгородцев при заключении договоров с Ганзой были как раз требования установления четких и однозначных трактовок единиц мер и весов, их унификация между Новгородом и ганзейскими городами. Так же сокращались и регулировались размеры «наддач», «колупания воска» и т. д. Однако Новгородской республике, боявшейся помешать торговле с Ганзой и Ливонией, так и не удалось настоять на своих требованиях. «Колупание» и наддачи были отменены только Москвой, только в 1494 году, и в свойственной Московскому государству крутой манере: никто не запрещал немецким купцам колупать, брать наддачи и т. д. Только вот русский купец, который разрешит делать это с продаваемым им товаром, наказывался штрафом в две гривны или битьем кнутом²³. То, чего Новго-

Стена кремля Великого Новгорода. XV–XVI вв.

Церковь Св. Прокопия. Построена рядом с прежним местом новгородского Ганзейского двора московским купцом Дмитрием Сырковым в 1529 г.

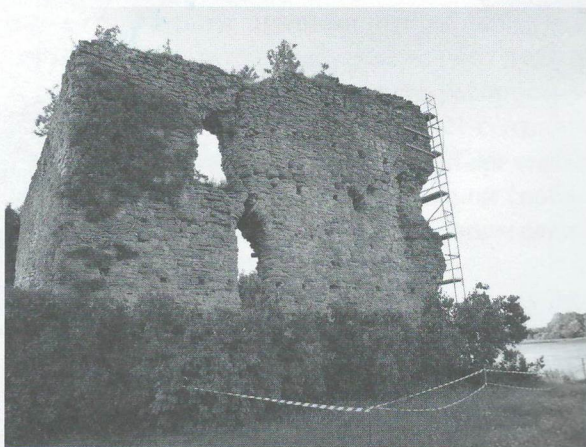
род добивался десятилетиями, оказалось сделано одним росчерком пера великокняжеского наместника...

Военный потенциал Ливонии с трудом поддается исчислению, но он был невелик. В середине XVI в. это примерно 7000 воинов, из них 3000 мог выставить орден, 2000 — Рижское архиепископство и другие епископства и 2000 — города Ревель, Дерпт и Рига. У Ливонии практически отсутствовала система внешней обороны — замки, основанные еще в эпоху осуществления крестоносной миссии в Прибалтике, были предназначены в основном для контроля над местным населением, но не образовывали систему по обороне рубежей. Современники замечали, что, поскольку нападений русских ожидали только в районе Нарвы, только эта ливонская граница и укреплена, хорошо снабжена артиллерией и крепостями²⁴.

Военная стратегия Ливонии в принципе не предполагала обороны границы. На рубежах не было ни замков, ни временных укреплений, не стояли гарнизоны. Собственно, русско-ливонскую границу прикрывали всего три крепости — Нарва и Нейшлосс, стоявшие на левом берегу реки Наровы, и Нейгауз, располагавшийся недалеко от границы. Предполагалось, что русские, начав вторжение, обязательно подойдут к этим крепостям и будут несколько дней их осаждать. За это время из глубины Ли-

вонии, из орденских военных центров — замков Вендена и Феллина — подтянутся войска и прогонят русских. Собственно, в локальных новгородско-ливонских и псковско-ливонских конфликтах XIV–XV вв. примерно так и происходило. Но в них цель русских войск была иной: это были демонстрационные рейды, своего рода акции устрашения, а также набеги за добычей. Изначально не предполагалось сколько-либо длительного пребывания новгородских и псковских отрядов на ливонской земле, они проходили рейдами и набегами и уходили. Для демонстрации силы их тоже вполне устраивали кратковременные осады Нейгауза.

Ливонская пограничная крепость Нейгауз. Совр. фото

Ливонская пограничная крепость Нейшлосс. Совр. фото

Когда в войнах середины XVI в. встал вопрос о завоевании территорий, об обороне страны от войск иноземного супостата, который вовсе не собирается покидать захваченные земли, выяснилось, что система обороны Ливонии никуда не годится. Одинокие и не связанные между собой ни в какую оборонительную линию замки были не в состоянии долго сопротивляться планомерной осаде без помощи извне. А помощь не приходила, потому что ее встречали на полпути другие русские войска. В результате буквально в первые месяцы после русского вторжения 1558 г. вся оборона Ливонии рассыпалась, как карточный домик.

Для войны XVI в. никуда не годились и ливонские замки. Большинство из них было построено еще в Средневековье, для умиротворения местных племен эстов, латгалов и т. д. Для этого вполне хватало небольших, двух-пятибашенных каменных укреплений, чья площадь редко превышала 1–3 гектара, с гарнизо-

нами в несколько десятков, максимум сотен человек. Таких замков в Ливонии было большинство. Но они, во-первых, совсем не предполагали осады с помощью артиллерии. Даже полевая русская артиллерия представляла для них угрозу, что же говорить о «тяжелом наряде»? Бастионная система была только у крупных городов — Ревеля, Риги, и они, кстати, во второй половине XVI в. выдержали все осады и так и не были взяты. У остальных не было шансов. Во-вторых, малый масштаб замков, небольшие гарнизоны, скромные огневые возможности не позволяли замкам выдерживать сколь-либо долгие осады и штурмы. Если под стенами крепости появлялся отряд в несколько сотен детей боярских, да еще с полевыми пушками — для замка все кончалось очень плохо и довольно быстро.

С точки зрения уровня развития европейских армий XVI в. ливонская была одной из самых устаревших. Архаичная средневековая схема: «рыцарь — вассалы — кнехты» отжила свое. К тому же рыцарями к XVI в. был полностью утрачен боевой дух, они все больше превращались в землевладельцев, думающих только о богатствах и роскоши. В 1524 г. в грамоте эзельского епископа Иоганна Киве-

Замок Аренсбург, наиболее сохранившийся до наших дней, по которому можно представить, как выглядел ливонский замок в XVI в.

ля говорилось, что без санкции рыцарского ландтага ни одно постановление не имело законной силы. Причем «не на основании права, а по просьбе рыцари участвуют в походах для защиты Лифляндии, но не за пределами ее». В дальних же походах должны сражаться только наемники, но под командованием рыцарских фогтов. 30 октября 1527 г. император Карл V подтвердил эти права викской и эзельской знати. Я.Я. Зутис назвал вышеописанный порядок «дворянской республикой»²⁵, что вряд ли отражает сущность происходившего — рыцари вовсе не стремились к созданию представительных (республиканских) органов власти, а просто элементарно извлекали выгоду из нестабильности и слабости Ливонии. О судьбах страны и тем более о миссии крестоносцев они давно уже не думали.

Отряды епископов, городские гарнизоны комплектовались за счет наемников, к их услугам все больше прибегал и орден. Наемные отряды имели все плюсы воинов-профессионалов XVI века и все их минусы, главным из которых было нежелание воевать при невыплате денег. Когда в 1558–1560 гг. рухнула власть ордена и ландсгерров, платить стало некому — и наемники часто бросали замки с открытыми настежь воротами и уходили, не оказывая русским никакого сопротивления.

Последний удар по единству ордена в 1520-е гг. нанесла Реформация. В 1524 г. по Ливонии прокатываются погромы католических храмов. Горожане разрушали интерьеры, разбивали украшения и церковную утварь. Защищать соборы получалось только радикальными мерами: так, староста ревельской церкви Св. Николая Генрих Буш спас ее, залив все замки расплавленным свинцом, благодаря чему погромщики не смогли попасть внутрь. Апокалиптические настроения населения подогревали участившиеся случаи бегства из католических обителей монахов и монашек, причем последние, к ужасу набожных дворян, еще и выходили замуж!

В 1525 г. из Ревеля с позором изгнали монахов-доминиканцев, погромы происходили в Дерпте, Вендене, Феллине, Пернове. В Дерпте особую популярность приобрели проповеди скорняка из Швабии Мельхиора Гофмана, который проповедовал скорое наступление

Вальтер фон Плеттенберг, магистр Ливонского ордена в 1494–1535 гг.

Страшного Суда, ненужность церковной организации и право любого человека, не обязательно священника, совершать церковные обряды в качестве священнослужителя. В Риге Иоганн Ломюллер призвал горожан свергнуть власть архиепископа и перейти под покровительство исключительно магистра. В Ревеле были отпечатаны привезенные из Германии копии «12-ти статей» для бунтующего немецкого крестьянства, которые теперь распространялись среди эстонских крестьян. 21 сентября 1525 г. магистр Вальтер фон Плеттенберг выдал Риге грамоту о ее полной религиозной свободе. Рига охотно признала магистра своим единственным господином.

24 октября 1546 г. в Нейрмюлене между Ригой и архиепископом был заключен договор, по которому город присягал Вильгельму как князю Священной Римской империи, а он отказался от духовной юрисдикции над горожанами, признал все их привилегии и обещал не вмешиваться в Реформацию. В январе 1547 г. Вильгельм и магистр фон Брюнгеней торжественно въехали в Ригу, и она официально подчини-

лась двум правителям, хотя тяжбы с горожанами о передаче архиепископии имущества длились до 1551 г.

Особой социальной нестабильностью в эти годы отличалась Северная Эстляндия. То в 1535 г. горожане арестуют и казнят дворянина Иоганна Иксула за... убийство какого-то ничтожного крестьянина! То в 1536 г. турнир в Ревеле выиграет... не рыцарь, а местный купец! Аристократы были столь поражены, что среди зрителей возникла потасовка между ликующими горожанами и оскорбленными дворянами. Пытавшийся усмирить драчунов присутствовавший на турнире магистр фон Брюнгеней даже кинул с балкона ратуши в толпу свою шляпу, а затем стал бросать хлеб со стола, за которым только что обедал – однако безрезультатно. Городское население уже ни в грош не ставило ни магистра, ни его рыцарей.

Все это сочеталось с растлением нравов, которым сопровождалось вырождение ордена. По словам историка последних дней ордена, Бальтазара Рюссова, «Сатана посеял в рыцарях и священниках... плотскую гордость, негу, высокомерие, роскошь, невоздержанность... своеволие. Как правители, так и простые дворяне не хотели ограничить роскоши в своих одеждах и нарядах. Ибо простые сановники, как командоры и фохты, подобно королям и князьям, хотели щеголять и хвастать золотыми цепями, трубами и драгоценными одеждами в противность всякому приличию»²⁶. В стране запустели школы, не было ни одного университета, так как корыстные вельможи не хотели тратиться на просвещение. Даже проповеди читались от случая к случаю.

Обалдевшие от безделья магистры и рыцари, по Рюссову, все больше погружались в пучину порока: «Некоторые орденские магистры... из праздности впали в такой разврат, что стыдно о том и вспомнить. О их наложницах нечего и говорить, так как это не считалось у них стыдом: подержавши у себя наложницу некоторое время, они выдавали ее замуж, а себе брали новую. Точно так же бывало у епископов и каноников». «Этих женщин все называли не непотребными женщинами, а хозяйками и “женщинами, внушающими мужество”». Единственное, кому подобный грех мог причинить некоторые неприятности —

это братья-служители. Среди них заводить наложниц по-прежнему было не принято, поэтому «развратника» под трубы и барабаны возили по замку и близлежащему городу и в одежде бросали в колодец. После этого купания фогт служителей отпускал грехи провинившемуся брату.

Ливонский хронист не лучше характеризует повседневную жизнь ливонской знати: «в те времена вся жизнь их проходила... в травле и охоте, в игре в кости и других играх, в катанье верхом и разъездах с одного пира на другой, с одних знатных крестин на другие... с одной ярмарки на другую. И очень мало можно было найти людей, годных для службы где-либо вне Ливонии... или на войне». У ливонской аристократии была своя система ценностей: «кто мог лучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться», петь непристойные песни на пирах; «кто оставался последним [за столом] и перепивал всех остальных, того на другой день провозглашали храбрым героем и его почитали и славили, будто он покорил какую землю». «Во всех землях в то время лучшей похвалой ливонцев было то, что они — славные пьяницы». Пьянство распространялось и на молодежь, 12–14-летних мальчиков. В Ливонии, по словам Рюссова, «среди некоторых разумных» ходила поговорка: «Да спасет нас Господь от феллинского танца, от витгенштейнского пьянства и от везенбергской чести» (знаком последней считался шрам на щеке, полученный в драке — так называемый «везенбергский коготь»). Все это, по мнению хрониста, происходило оттого, что «своя воля у каждого, исключая бедняков, стояла превыше всего».

При этом боевой дух рыцарей иссяк полностью, любимой поговоркой было: «Сохрани нас Господь от немецкой войны, русские же нам не страшны». То есть вторжения иноземных врагов рыцари не опасались, зато боялись быть отправленными на какой-нибудь театр военных действий, которые вела бы Германия. Угроза нападения соседних держав и особенно России не беспокоила ливонцев — одной из популярных тем на пирушках были разговоры, как доблестные рыцари и горожане разобьют этих ничтожных русских. Ливонский хронист Рюссов рассказывал о некоей свадьбе в Ревеле

в январе 1558 г.: «там многие дерзко похвалялись и один перед другим целыми и половинными мерами пили против русских, так как в пьянстве они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но от сосен и кустов, коих они издали принимали за русских. Слово и крик: “Назад! Назад!”... были сначала в большом употреблении у них, над этим словом русские очень издевались»²⁷.

На основе всех этих свидетельств историками, начиная с Е. Романовского, делался вывод о полном вырождении ливонского рыцарства к началу нового времени и его объективном сходе с исторической арены²⁸. Конечно, во всех этих обвинениях Рюссова, протестантского пастора церкви Св. Духа в Ревеле, нетрудно увидеть тенденциозность — протестант Рюссов ненавидел католический орден и епископов и винил их во всех бедах Ливонии. Вряд ли их можно считать объективными, но кое-какие упаднические общественные настроения, прежде всего среди ливонских горожан, не любивших рыцарский орден, эти рассказы отразили.

Таким образом, к середине XVI века Ливония, как говорится, созрела для гибели. Налицо был все углубляющийся и расширяющийся социально-политический кризис ордена, закат католической церкви, потесненной протестантами, рост сепаратизма городов, моральный упадок населения и утрата боевого духа вооруженных сил. Возможно, страна и смогла бы «переболеть» и преодолеть кризис, но исто-

Церковь Св. Духа в Таллине, где Бальтазар Рюссов служил пастром

рия не отпустила Ливонии времени для этого. Слишком много соседних держав смотрело на нее как на лакомый кусок, и слишком слабой была эта маленькая прибалтийская страна, чтобы защитить себя самой.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ЛИВОНСКОГО ВОПРОСА

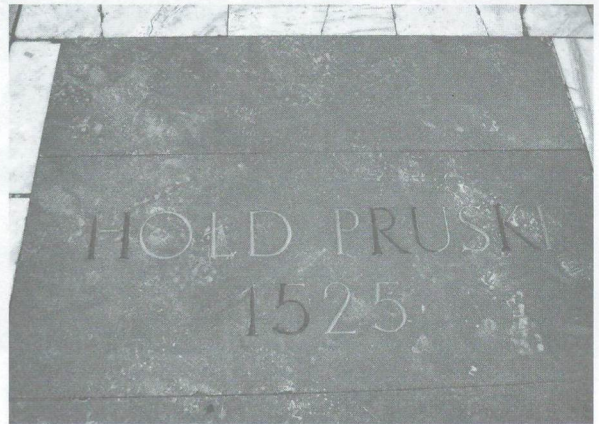

Присяга Альбрехта Гогенцоллерна на верность королю Сигизмунду I. Худ. Ян Матейко

В 1525 г. прекратил существование Тевтонский орден. Его правитель, Альбрехт Гогенцоллерн, на центральной площади Кракова у стен Сукенниц преклонил колени перед польским королем Сигизмундом I Старым и принес ему присягу вассала на верность. Тевтонский орден превратился в вассальное Прусское герцогство, зависимое от Королевства Польского.

Данные события вызвали перекраивание политической карты Прибалтики. Ливония нервно отнеслась к переходу Пруссии под власть Польши. Магистр Вальтер фон Плеттенберг обратился в Ватикан с просьбой защитить Ливонский орден, если притязания Сигизмунда распространятся и на него. Но папе в 1525 году, в самый разгар борьбы с лютеранством, было явно не до Ливонии. Одно время Плеттенберг даже рассматривал возможность нападения на Пруссию с целью ее освобождения от поляков. Но его остановило то соображение, что тевтонцы сдались добровольно, и поэтому все попытки вернуть их в лоно рыцарских орденов означали бы гражданскую войну. Правда, по мнению В. Урбана, подобная мягкая позиция повредила репутации самого Плеттенберга, поскольку современники видели в его бездействии признак того, что магистр хочет сам секуляризировать Ливонский орден и стать его первым наследственным правителем, основав собственную династию. Это было неправдой, но в дискредитации власти магистра эти слухи сыграли свою роль²⁹.

Идея аннексии Ливонии начинает активно муссироваться в прусском эстеблишменте уже при формировании принципов внешней политики нового герцогства, то есть в 1525 году. По указанию И. Олевника, в письме Акации Цемы к Альбрехту от 21 июня 1525 г. содержится рекомендация: «не ограничиваться секуляризацией Прусского ордена, но то же сделать и с Ливонией, иначе она станет добычей Москвы»³⁰. Ряд историков считает, что позиция Пруссии была вызвана мечтой об огромном *Hohenzollernstaates* в Прибалтике, а своими силами подчинить Ливонию для Альбрехта оказалось невозможным. Однако датский исследователь К. Расмуссен возразил на эту гипотезу, что она порождена скорее влиянием на умы Пруссии в новое время, когда она могла реально доминировать в Европе, а в XVI в. она

Галерея Сукеннице на центральной площади Кракова, у стен которой состоялась «прусская присяга»

Памятная плита на центральной площади Кракова в том месте, где колени тевтонца коснулись польской мостовой

была слабым государством, и ни о каких «империях Гогенцоллернов» не могла и мечтать. На самом деле Альбрехт хотел усилить позиции Пруссии внутри государства Ягеллонов объединением с ливонской протестантской политической элитой³¹. И. Олейник трактовал возможные намерения Альбрехта несколько

Карта Ливонии XVI в.

иначе: проект *Hohenzollernstaates* был вызван к жизни не агрессивными намерениями, попыткой реанимации эпохи господства Немецкого ордена в Прибалтике и землях Северной Польши, но наоборот, насущной необходимостью обороны от наступления Польши. Пруссия понимала, что в одиночку она не выстоит против Короны, и хотела усилиться за счет Ливонии³². Усилиться она не успела, пала под давлением Польши, но планы *Hohenzollernstaates* остались...

Эти идеи прусских политиков органично совпадали с давними планами Короны. По В. Станцелису, первые идеи о целесообразности аннексии Ливонии были высказаны в Ко-

ролевстве Польском еще в 1422 году³³. Причем этот вопрос изначально связывался с разделом сфер влияния с Русским государством. Э. Тибберг и А.Л. Хорошкевич обратили внимание, что в 1494 г. литовскому посольству в Москву была дана инструкция: Литва готова признать принадлежность России Новгорода, если при этом Ливония будет в договоре официально записана «в стороне» Ягеллонов³⁴.

Альбрехт хотел быстрее перейти от слов к делу. Но реальными военными силами для аннексии Ливонии Пруссия не располагала. Тогда было решено действовать путем интриг. Оставалось выбрать направление этих интриг. В Ливонии существовало три политических силы: орден, церковь и города. Было очевидно, что орден свои позиции добровольно не сдаст. Охваченные Реформацией города решали свои

проблемы и были далеки от проблем прусско-герцога. А вот за сферу влияния в церковной среде можно было побороться, тем более что здесь была возможной поддержка короля-каатолика Сигизмунда.

Альбрехт с помощью Сигизмунда сумел добиться назначения коадьютором (то есть вторым лицом в церковной иерархии) рижского архиепископа своего младшего брата, Вильгельма Бранденбургского, сына Софии Ягеллонки, сестры Сигизмунда I Старого. Мотивы дальнейших действий Вильгельма довольно четко определил историк Г. Форстен: «...стремления Вильгельма, очевидно, клонились к достижению архиепископства и к секуляризации всех орденских земель, с тем, чтобы обратить их в светское герцогство и владеть им в ленной зависимости от Польши. Будущее слияние ливонского герцогства с прусским было лишь вопросом времени. Миссия Вильгельма в Ливонии была такой же, какую миссия его брата в Пруссии...»³⁵.

*Польский король Сигизмунд I (1506–1548).
Гравюра XVI в.*

*Альбрехт Гогенцоллерн, последний магистр
Тевтонского ордена в 1510/11 – 1525 гг.,
первый герцог Пруссии в 1525–1568 гг.
Немецкая гравюра XVI в.*

Удобный случай вскоре подвернулся. В 1530 г. умер Эзельский епископ Георг фон Тизенгаузен, и капитул избрал его преемником Рейнгольда фон Буксгевдена. Но он одновременно не успел получить папской конфирмации. Тогда Вильгельм добился у капитула утверждения своей кандидатуры на пост эзельского епископа. В ноябре 1532 г. викское дворянство присягнуло Вильгельму, а эзельское осталось верным Рейнгольду. В ордене наконец-то вспыхнула настоящая гражданская война: отряды Вильгельма выжгли города и села на о. Даго, а рыцари Рейнгольда напали на Викскую землю. Итак, в 1532 г. на землях ордена начались боевые действия.

1 апреля 1533 г. Вильгельм и магистр Плеттенберг заключили Венденский союз о взаимной поддержке и непротиводействии Реформации. Это только вовлекло в конфликт новые

силы: рыцарство Ливонии требует отставки престарелого правителя ордена под предлогом его связей со смутьяном Вильгельмом. Тем более что в том же 1533 г. Альбрехт Гогенцоллерн вступил в переписку с Вильно, обсуждая вопрос об отправке в Ливонию на помощь Вильгельму вооруженных сил Великого княжества Литовского, то есть, по сути дела, по косвенной вине Вильгельма могла начаться интервенция. В феврале 1534 г. Феллинский ландтаг утвердил права Рейнгольда на Эзельское епископство. Вильгельм отказался освободить свой пост, и война в Ливонии продолжалась. Не помогло и прямое обращение ливонцев к Сигизмунду с просьбой сместить Вильгельма по обвинению в финансовых злоупотреблениях³⁶. Не остановила смуту и смерть Плеттенберга 28 февраля 1535 г.

Надбрание Вильгельма Бранденбургского, рижского архиепископа в 1539–1561 гг., в Домском соборе Риги. Гравюра с рисунка XIX в.

Кратковременную победу над Эзельским епископом удалось удержать только следующему магистру, Герману фон Брюнгеней генанту Газенкампу. Вильгельм отказался от претензий на Эзель, хотя и сохранил должность рижского коадьютора. Многие его сторонники подверглись репрессиям. Но фон Брюнгеней стал вдобавок бороться с Реформацией, что тут же привело к новому серьезному конфликту ордена и городов.

11 августа 1539 г. скончался рижский архиепископ Томас Шеннинг, и коадьютор Вильгельм стал его преемником. Это сразу породило несколько очагов конфликтов. Рига отказалась признавать полномочия Вильгельма и 19 ноября 1539 г. вступила в Шмалькальденский союз, тем самым обретая большую независимость и от ордена, и от архиепископа. Бывший коадьютор стал готовится к войне, причем ему был готов оказать военную помощь его брат, бывший прусский магистр Альбрехт. А поскольку Альбрехт — вассал польского короля Сигизмунда, то возникла интересная коллизия. Теперь Сигизмунд получил законный повод для вмешательства во внутренние дела Ливонии под предлогом защиты Вильгельма, родственника своего вассала, Альбрехта, да и своего родственника тоже³⁷.

Сигизмунд I колебался. Сама идея ему нравилась, но ее реализация таила в себе массу сложностей. Тевтонский орден издревле воевал с Польшей, последняя война была как раз накануне его секуляризации и покорения Короне, в 1518–1521 гг.³⁸ Поэтому победа Польши над тевтонцами в 1525 г. никого не удивила, Польша была, что называется, в своем моральном праве. Ливонская ветвь Немецкого ордена давно уже не вела самостоятельных войн с Великим княжеством Литовским. Исключая пограничные стычки и конфликты, последнее масштабное участие ливонских войск в войнах Тевтонского ордена, Польши, Литвы было в 1435 г. С тех пор военно-политическая роль Ливонии была сугубо региональной и незначительной.

Поэтому, чтобы напасть на Ливонию или иным способом принудить ливонского магистра стать вассалом Польши так же, как им в 1525 г. стал Альбрехт, требовались серьезные основания. Об этом прямо говорилось в пере-

писке того времени: «Если начинают какую-либо войну, все христианские короли должны уважать прежде всего то, что они справедливым поводом к этому имеют, им не должно ставиться в вину пролитие христианской крови и желание захватить чужие блага»³⁹.

Не то чтобы Корона боялась обвинений в агрессии или не хотела выглядеть неблагоприятно. Надлежит помнить, что в начале XVI в. Ливония была официально включена в состав Священной Римской империи. То есть конфликта с императором и папой было бы не избежать. Понятно, что императору, пытавшемуся как-то потушить полыхавший пожар Реформации, было немного не до Ливонии, но все-таки польский король не мог не считаться с империей (тем более что отношения Габсбургов и Ягеллонов и так были непростыми). И надо было тысячу раз подумать, стоит ли рисковать и ввязываться в спор из-за Прибалтики.

Тем не менее соблазн был слишком велик, а Ливония оказывалась чересчур соблазнительным кусочком. Чтобы нейтрализовать империю, была разыграна карта «русской угрозы». Данный прием был для ливонских ландсгерров традиционным: во время новгородско-ганзейского кризиса 1494 года, который наложился на датско-шведский и русско-литовский конфликты, основной темой переписки магистра Плеттенберга с Европой была именно «русская угроза» — муссирование слухов, что Россия строит флот, строит дороги, «по которым в ряд могут пройти 12 лошадей», хочет напасть и т. д. Ссылаясь на нарастание «русской угрозы», орден просил у Европы денег, оружия, солдат и другую помощь⁴⁰. Сторонники инкорпорации, прежде всего Альбрехт и Вильгельм, на переговорах с Сигизмундом II упирали на то, что если Ливонию не захватит Польша — ее захватит Россия. По указанию И. Олевника, уже в письме Акации Цемы к Альбрехту от 21 июня 1525 г. содержится рекомендация: «не ограничиваться секуляризацией Прусского ордена, но то же сделать и с Ливонией, иначе она станет добычей Москвы»⁴¹.

Следующие попытки разработать план аннексии Ливонского ордена польской Коронай, по Э. Тибергу, предпринимались еще в 1547–1548 годах⁴². В плоскость практических дей-

ствий эти попытки были переведены в сентябре 1552 г. на тайной встрече нового польского короля, Сигизмунда II, с Альбрехтом Гогенцоллерном в Крупишках и Брайтенштайне. На переговорах присутствовал мальборский воевода Акаций Цема. Сигизмунд II поручил Альбрехту разработать план инкорпорации Ливонии по образцу присоединения Пруссии 1525 года⁴³.

Главным мотивом будущей акции было нежелание уступить русским: Ливония должна быть превращена в лен ягеллонской монархии, чтобы «не достаться Московии». И польские, и прусские, и ливонские политики отдавали себе полный отчет, что Ливония не сможет противостоять Московии в случае серьезного военного конфликта⁴⁴. Причем, как и Россия, Польша апеллировала к очень древним, забытым и никогда не исполнявшимся договорам: в 1366 г. император Священной Римской им-

Альбрехт Гогенцоллерн, немецкая гравюра XVI в.

Сигизмунд II Август, последний король Польши из династии Ягеллонов (1548–1572). Гравюра

перии Карл IV Люксембургский признал за польским королем Казимиром Великим и его наследниками титул протектора Рижского архиепископства⁴⁵. Теперь Сигизмунд II «вспомнил» об этом ягеллонском наследстве и напомнил, что является протектором и покровителем Вильгельма, рижского архиепископа.

3 октября 1552 г. Вильгельм послал Альбрехту мемориал с характеристикой текущего положения и стоящих перед политиками задач. Обсуждался вопрос о встрече Вильгельма с польским королем. Высказывалось предположение, что Россия не напала на Ливонию

в 1551–1552 гг., как хотела, из-за того, что была измотана в войне с татарами. Русские готовы заключить перемирие на 20 или даже 30 лет, если будут удовлетворены их требования по торговле, свободному пропуску военных специалистов из Европы и т. д. Поэтому на переговорах с ними надо соглашаться только на перемирие на 3–4 года. Угроза войны не снята — Вильгельму стало известно, что Иван IV приказал засыпать 8000 ластов обмолоченной пшеницы в хранилища недалеко от псковской границы. Несомненно, они предназначены для фуража войска в случае войны. Нужно введение новых специальных налогов, урегулирование отношений архиепископа и дворянства и т. д.⁴⁶

Но ни Альбрехт, ни Сигизмунд II не спешили. Как показал И. Олевник, почти три года спустя, в июле 1555 г. прусский герцог писал Сигизмунду II, что с момента тайных переговоров 1552 г. он «...размышлял об этих разговорах и начал искать, но так и не смог найти подходящего пути, чтобы двинуть дело вперед»⁴⁷. Польский историк склонен доверять этому заявлению и делает вывод, что в 1552–1555 гг. к энергичным мерам по инкорпорации Ливонии, с точки зрения прусского герцога, не располагала обстановка. Несколько иначе трактует ситуацию К. Расмуссен: по его мнению, медлительность герцога была связана с его концептуальными разногласиями с королем. Альбрехт считал, что Ливония должна подчиниться польской короне, а Сигизмунд был склонен передать ключевую роль в инкорпорации ордена Великому княжеству Литовскому⁴⁸.

Так или иначе, на своей первой фазе план инкорпорации Ливонии в начале 1550-х гг. потонул в переписке политиков. Однако, пока они обсуждали ливонский вопрос, обстановка в Прибалтике накалилась — внезапно и сильно. Для решения ливонского вопроса в Прибалтику явились русские.

РОССИЯ И ЛИВОНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА: ОТ ТОРГОВЫХ СПОРОВ К «БЛОКАДЕ МОСКОВИИ»

Какие балтийские планы в XVI в. были у России? В литературе можно встретить ошибочную точку зрения, будто бы в 1503 г. между Россией и Ливонией было заключено 50-летнее перемирие. На самом деле оно было 6-летним и возобновлялось в 1509, 1514, 1521, 1531, 1535 и 1550 гг. Переговоры 1554 г. были вызва-

ны истечением срока давности соглашения 1550 года, а вовсе не 50-летнего перемирия, как до сих пор нередко утверждается в литературе.

*Карта Ливонии в XVI в.
Сост. А.И. Филлюшкин*

Городище Красногородок на р. Синей,
Псковская область

Какие русско-ливонские противоречия фигурировали в договорах в XVI в. и так и не были сняты к середине столетия? За точку отсчета возьмем договоры 1503 года, венчавшие собой русско-ливонскую войну 1501–1503 годов — последний крупный военный конфликт Ливонии и России перед Ливонской войной 1558–1561 годов. В 1503 г. Ливония требовала: 1) возврата захваченных Россией территорий; 2) уравнивания в правах всех субъектов русско-ливонских договоренностей (то есть чтобы не было отдельных псковско-дерптских договоров, а был бы единый договор со всей Ливонией); 3) отказа от унижительной для Ливонии практики утверждения договоров наместниками Великого Новгорода и требование утверждать их в Москве непосредственно русским государем; 4) убрать из текста договора оскорбительное положение о «челобитье» ливонцев с просьбой о мире; 5) компенсации убытков, причиненных русской стороной во время новгородско-ганзейского конфликта 1494 года⁴⁹.

Россия же выступила с требованием уплатить долги по Юрьевской дани, накопившиеся с 1463 года. Также были предъявлены претензии по вопросам обеспечения безопасности и нормальной жизни русских районов и церк-

вей, по компенсации русским купцам, понесшим из-за нападений ливонцев коммерческие убытки, а также провести сыск по поводу факта убийства русских купцов* в Ливонии⁵⁰.

Н.А. Казакова указывает, что трудно сказать, о каких территориях идет речь — в источниках XV в. не зафиксировано значительных территориальных захватов со стороны России. Она предполагает, что имеются в виду земли у дер. Желачки на о. Пириссар и у построенного псковичами в 1464 г. Красного Городка (они были закреплены за Псковом по договорам 1463 и 1474 г.), а также земли в районе основанного в 1478 г. псковского пригорода Вышгорода⁵¹. В любом случае эти территориальные претензии были достаточно мелкомасштабными.

Конфликт из-за термина «челобитье» был вызван разницей политических культур. Категория *челобитья* восходит к восточной пове-

* Н.А. Казакова показала, что здесь речь идет о казни за уголовные преступления двух русских в Ревеле в 1494 году. По приговору местного суда один был сожжен, другой — заживо сварен в котле. Суть претензий русской стороны была в требовании судебного иммунитета в Ревеле для русских купцов: по ее мнению, ревельский суд был не вправе выносить такие приговоры, поэтому преступники на самом деле являются жертвами ливонского произвола. Тем самым Россия требовала фактически неподсудности русских на территории Ливонии, что противоречило и существующим договорам, и международной практике.

Городище Вышгород, Псковская область

денческой практике и даже в лексическом выражении является калькой с тюркского. Она получает распространение в русской политической культуре с XIV в. и, по А.Л. Хорошкевич, пришла на смену термину «поклон»⁵². Челобитье означало обращение с просьбой официального лица, находящегося в подчиненном положении, к более высокой инстанции. Однако к XVI в. произошла девальвация уничтожительного значения понятия, в силу которой в русской политической культуре челобитьем стало называться любое обращение к государю, в том числе и иностранных послов.

Так, в русских посольских книгах отправка английской королевой Елизаветой на службу к Ивану IV доктора называется «челобитьем», через которое Лондон продемонстрировал свою дружбу с Москвой⁵³. На переговорах с Ф. Писемским в Лондоне в 1582 г. намерение королевы заключить союз в ответ на предложение царя русскими послами было записано следующим образом: «Яз де брату своему, а вашему государю, на его любви челом бью, и в братцкой любви и в докончанье быти...»⁵⁴.

Обращение в 1558–1559 гг. датского короля, вмешавшегося в Ливонскую войну, было названо «бити челом о Ливонской земле»⁵⁵. «Челобитьем» именуется и миссия шведского гонца в феврале 1561 г. с известием об отпуске русского посла и просьбой опасной грамоты на больших послов⁵⁶. Раздел Ливонии между Данией

и Россией в июле 1562 г. делался «по челобитью» датского короля Фредерика, причем Иван IV «дал землю» датскому королю⁵⁷ по его «покорному челобитью»⁵⁸. С. Герберштейн так охарактеризовал термин «челобитье», описывая церемониал приема иностранных послов: «Великий господин, граф Леонард бьет челом (*frontem percutit; schlecht oder naigt sein hiern*), и снова: «[Великий господин] граф Леонард бьет челом на великой твоей милости». Точно так же и о Сигизмунде. Первое значит, что он-де кланяется и выражает почтение, второе — что благодарит за полученную милость. Ибо «бить челом» у них говорится в знак приветствия, благодарности и другого тому подобного. Именно, всякий раз, как кто-нибудь просит чего-либо или приносит благодарности, он обычно наклоняет голову»⁵⁹.

Несомненно, что данный термин означал некоторую приниженность контрагента — например, в сеунче в Крым о взятии Полоцка в 1563 г. Грозный гордо говорит, что паны «били челом» нашим боярам, И.Д. Бельскому с товарищи, чтобы царь «из их земли повернул», и скоро сам король Сигизмунд пришлет «бить челом о своем исправленьи». Бояре ходатайствуют перед Иваном IV, что «недруг твой прислал бить челом и в твоей воле хочет быти», и по их челобитью русский царь повернул

войска⁶⁰. То есть в принципе на термин «челобитье» можно было обижаться: он обозначал ходатайство, просьбу, а в дипломатическом этикете того времени считалось, что кто просит первый другого об уступке, тот и находится в более зависимом положении. В то же время нельзя сказать, что это выражение имело какое-то принципиальное значение, из-за которого стоило начинать войны.

В результате русско-ливонских соглашений, достигнутых ко 2 апреля 1503 года, стороны пришли к следующему компромиссу: никто не добился реализации собственных требований, но при этом и не удовлетворил чужие. Была подтверждена граница «по старине». Конфликты с властями и русскими в Ливонии, и немцев в России не были урегулированы — предполагалось, что будет созван на р. Нарове съезд представителей сторон «об обидных делах», на котором тяжущиеся и получают справедливый ответ. Понятно, что такая проволочка означала, по сути, волокиту — нужно было иметь очень много свободного времени и денег и быть слишком сильно обиженным, чтобы спустя несколько лет после понесенного ущерба специально приехать на особый съезд и там переживать судебную тяжбу.

Единственное, в чем уступила Ливония — обещала освободить с товарами русских купцов, задержанных в Дерпте. После этого акта Россия обязывалась, в свою очередь, освободить немецких купцов, арестованных в Новгороде. Также стороны обещали обеспечивать свободный проезд послам, ловить рыбу в Чудском озере только у своего берега. Интересен пункт договора, в котором описывается процедура объявления войны: если кто-то решит нарушить перемирие, то он должен отослать противнику перемирные грамоты, и только через месяц после этого начинать боевые действия. В тексте псковско-дерптского договора осталось требование уплаты Дерптской дани, встречающееся в договорах с 1463 г. (при этом в реальности дань никогда не выплачивалась). На этих условиях было заключено перемирие на шесть лет⁶¹.

Остальные требования сторон в договоры 1503 г. (новгородско-ливонский, псковско-ливонский и псковско-дерптский) не были включены и решения не получили. Тем самым Россия и Ливония вступили в XVI в. без

урегулирования серьезных противоречий, которые постепенно накапливались без их разрешения. Путь этот был достаточно опасный в том историческом контексте, в котором он развивался — в контексте ослабления Ливонии и усиления России. Чем слабее был орден и чем сильнее Москва — тем больше был соблазн решить эти противоречия не мирным, договорным, а военным путем. Именно нежеланием и ливонских, и русских дипломатов найти компромисс закладывались корни будущих Балтийских войн.

Уже в 1505 г. Россия предъявила Ливонии еще одно существенное требование: не заключать ливонско-литовских военно-политических соглашений. Москва, активно развивавшая свое наступление на Великое княжество Литовское (выразившееся в пяти «порубежных» войнах конца XV – первой трети XVI века: 1487–1494, 1500–1503, 1507, 1512–1522, 1534 гг.), хотела гарантировать себе безопасность на северном фланге театра боевых действий. Кроме того, русское командование нуждалось и в Новгороде, и в Пскове как военных базах, и в новгородских детях боярских как значительном контингенте в составе дворянской конницы. Военные конфликты с Ливонией здесь были ни к чему.

Как показала Н.А. Казакова, впервые требование о нейтралитете Ливонии прозвучало в грамотах Ивана III и его сына Василия к императору Максимилиану и его сыну Филиппу от 19 июня 1505 года. Летом 1505 г. в Новгород прибыли ливонские послы. Они просили о возобновлении торговых отношений. Новгородский наместник ответил, что Ливония для этого должна выполнить три условия: 1) внести компенсацию за товары русских купцов, погибшие в ливонских городах во время войны 1501–1503 гг. (то есть спустя два года они еще не были выплачены); 2) провести предусмотренное договором 1503 г. разбирательство «по обидным делам» (значит, спустя два года судебный разбор спорных дел по-прежнему саботировался) и 3) Ливония должна отказаться от союза с польской Коронай. Орден категорически отменил все три требования⁶².

В феврале 1507 г. 73 ганзейских города (в том числе ливонские) обратились к Василию III с просьбой о возвращении товаров,

конфискованных в 1494 г. при разгоне Ганзейского двора в Новгороде. В ответной грамоте Василий III назвал условием возобновления переговоров с Ливонией и Ганзой расторжение ливонско-литовского военного союза и выплата компенсации по потерям русских купцов⁶³.

В 1509 г. истек шестилетний срок русско-ливонского перемирия. В марте в Москве прошли переговоры, и перемирие было продлено на 14 лет, начиная с 25 марта 1509 года. Вновь было заключено три договора: новгородско-ливонский, псковско-ливонский и псковско-дерптский⁶⁴. Важным успехом русской дипломатии было включение в текст новгородско-ливонского соглашения обязательства Ливонии разорвать союз с Великим княжеством Литовским и не заключать его впредь. Договором 1509 г. также подтверждалась ливонско-русская граница «по старине», как в предыдущих договорах.

Поскольку этим пунктом договора убирается одна из главных проблем русско-ливонских отношений, Россия пошла на возобновление ливонской торговли. В договор были внесены пункты из новгородско-ливонских договоров 1421, 1448, 1481, 1493 гг. о свободе торговли в Ливонии для новгородских купцов, об условиях взимания пошлин с русских негодантов в ливонских городах, об ограничении возможностей для немцев «колупать воск», об унификации мер и весов в Новгороде и немецких городах и др. Ливонским купцам гарантировался свободный проезд и торговля в Новгородской земле всеми товарами, кроме соли. Накладывались ограничения также на иностранную торговлю крепкими спиртными напитками в Новгороде.

Новым здесь, как отметила Н.А. Казакова, был запрет на торговлю солью, значение которого «трудно переоценить»⁶⁵. Как показал историк, он был связан с общей политикой Российского государства в 1509–1510 гг. в целом запретить импорт соли в связи с развитием собственно российской соледобывающей промышленности⁶⁶. Аналогичный запрет был включен в 1510 г. в русско-ганзейский договор*, поступление соли из Литвы и Швеции на рубе-

же XV – XVI вв. также было ограничено, а потом и прекращено. И для Ливонии, и для Ганзы это был серьезнейший удар (ходила поговорка, что Ревель построен на соли).

Другим успехом русской стороны в новгородско-ливонском договоре 1509 г. было внесение изменений в юридический статус торговцев за рубежом. Традиционно каждая сторона судила гостей по своим законам. Теперь же местной юрисдикции подлежали только незначительные преступления и гражданские иски до 10 000 рублей. Тяжелые преступления и более крупные гражданские тяжбы теперь должны были рассматриваться совместным русско-ливонским судом, который бы собирался на одном из островов на Нарове. Подтверждалась также неприкосновенность русских церквей в ливонских городах и наказания за повреждения бороды у русских купцов (что рассматривалось как особое оскорбление).

Псковско-ливонский договор 1509 г. сходен. В нем повторяются статьи о сохранении границы «по старине», о разделе районов рыболовства на Чудском озере (здесь была немного ограничена зона рыболовства Ливонии — ей запрещалось рыбачить в Псковском озере и вступать на о. Клитсар). По случаям нарушения границы также учреждался совместный суд на рубеже. Устанавливалась свобода торговли, отменялись для псковичей внутренние ливонские пошлины («колоды»), ливонские власти не имели права назначать цены на псковские товары и даже не могли препятствовать рубке леса псковичами на р. Эмбах. В свою очередь, ливонцам гарантировалась свобода торговли в Пскове всеми товарами, кроме соли и крепких спиртных напитков. Псковские власти не могли устанавливать цены на ливонские товары. «Колупание» воска разрешалось в небольших масштабах, причем «отколупленный» воск немцы должны были вернуть. Зато взимание «всечего» в Пскове для немцев было «по старине». Ливонцы обязывались освободить псковских купцов с товарами, а псковичи — отдать конфискованный товар ливонскому послу.

Как справедливо отметила Н.А. Казакова, мы не можем с уверенностью судить, были ли эти статьи новыми — тексты псковско-ливонских договоров за предыдущие годы до нас не дошли. Историк считает, что многие из них бы-

* Запрет был отменен по русско-ганзейскому договору 1514 года.

ли уже в договоре 1474 года. Принципиально новым являлся запрет и для ливонских, и для псковских властей устанавливать цены на товары гостей и ограничивать срок их пребывания. Также важно подчеркнуть, что псковские купцы получили право розничной торговли на иностранной территории и освобождение от части таможенных пошлин — льготы, которые иноземцам обычно не предоставлялись⁶⁷.

Псковско-дерптский договор 1509 г. вводил перемирие на 14 лет, обязывал дерптского епископа платить дань, подтверждал старую псковско-ливонскую границу и вводил правила торговли, сходные с вышеизложенными («чистый путь», отмена «колоды», право розничной торговли, право гостевой торговли, свобода от таможенных сборов). Дерптские купцы получали только право свободного проезда, а в остальном псковские торговцы имели преимущество. Специальными статьями гарантировалась защита русских церковей в Дерпте, вводился совместный суд и т. д.⁶⁸

Почему в 1509 г. Ливония согласилась с таким нарушением своих прав и приняла усло-

вия, столь выгодные для России? Н.А. Казакова связывала это с международной обстановкой — в 1508 г. мир с Россией заключило Великое княжество Литовское, в 1508 г. империя порекомендовала Плеттенбергу соблюдать мир с Московией, поскольку она слишком занята итальянскими войнами и не сможет оказать Ливонии никакой помощи в случае военного конфликта⁶⁹. Другой причиной податливости, по всей видимости, было то, что Россия, как показано Н.А. Казаковой, не очень-то дорожила своей балтийской торговлей.

Историк искала ответ на вопрос: почему, вопреки очевидной выгоде, Россия почти на 20 лет с 1494 г. разрывает на Балтике свою торговлю с Ганзой, почему так легко идет на экономические санкции против Ливонии и требует для себя беспрецедентных льгот? Ответ, по ее мнению, кроется в том, что русские купцы легко переключались на торговлю с Данией и Швецией (через Ивангород и Выборг) или сухопутным путем с Великим княжеством Литовским. Потому они не страдали, в отличие от контрагентов, для которых потеря русского рынка была более чувствительной⁷⁰. И Ливония, и Ганза были готовы согласиться на льго-

Замок Венден

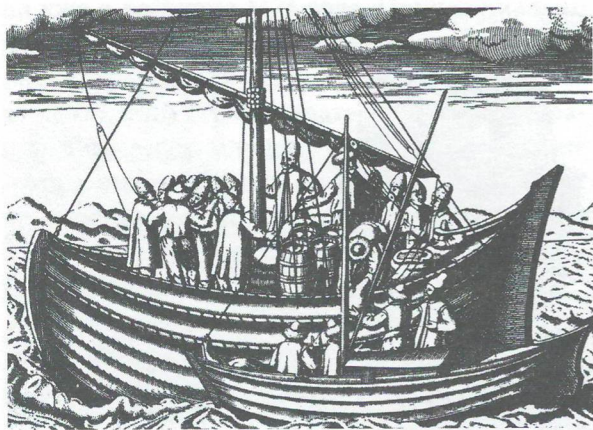
ты для русских, лишь бы они восстановили в Новгороде ганзейский двор и везли свои товары через ливонские порты.

Правда, стоит подчеркнуть, что позиция различных социальных сил в Ливонии была разной. Договоры 1509 г. были заключены ландесгеррами. А вот ливонские города выступили с протестом против предоставления русским столь больших юридических льгот, в которых горожане усмотрели нарушение собственных прав, дарованных империей. Особенно бюргеров возмущали ограничение местной юрисдикции делами до 10 руб. и запрет на торговлю солью. Поэтому июльский съезд представителей ливонских городов в Вендене принял рецесс не выполнять данных положений договоров до прибытия посольства от Ганзы и согласования с ним всех спорных вопросов. До этого русским купцам разрешалось торговать только в Дерпте и Нарве (а не во всех ливонских городах, как по договору). Н.А. Казакова отмечает, что это решение было бессмысленным: в Дерпте и Нарве к тому времени рус-

Замок Нарва

ско-ливонская торговля восстановилась сама, на основе контрабандных связей, не дожидаясь договоров. Зато теперь по факту выгодные для России условия соглашений 1509 года, которых она давно добивалась, не соблюдались⁷¹.

В то же время Россия не спешила на практике возобновлять торг на прежних условиях, в 1510 г. все еще требуя вернуть «пограбленные» у русских купцов товары, отпустить пленных, выплатить компенсации погибшим, возратить и очистить «полаты» и церкви русских негодантов. Важным требованием было соблюдение церемониала, что именно Ливония должна просить о мире и возобновлении торгова — прислать «челобитье». Без выполнения этих условий торгу не быть⁷². Теперь все зависело от русско-ганзейских переговоров, которые и состоялись в 1510 году. Россия требовала запретить ввоз и торговлю солью, ограничить юрисдикцию местных судов делами до 10 ру-

Самое раннее из существующих изображений русского торгового корабля. Гравюра 1598 г.

блей, в других случаях должен быть совместный суд, гарантировать неприкосновенность русских церквей и концов в немецких городах (Н.А. Казакова здесь справедливо замечает, что русские концы были только в ливонских городах, но не в германских, и этой статьей Россия намечала проникновение в собственно немецкие города)⁷³. В случае военного конфликта России с Ливонией, Швецией, Литвой Ганза была обязана соблюдать нейтралитет.

Ганза категорически отвергла русские требования как неприемлемые. Однако свою роль сыграла конкуренция. Если Ганза не хочет торговать с Россией, то это будут делать другие. Особая опасность исходила, как неоднократно отмечено исследователями, от банкирского дома Фуггеров⁷⁴. Поэтому уже в 1512 г. Рига, Ревель и Дерпт предложили открыть сепаратный торг только в этих городах, пока продолжаются переговоры с Ганзой. Россия отказала, требуя уступок от всех 73 ганзейских городов⁷⁵.

Казакова считает, что этим предложением Ливония официально сняла запрет русской торговли в Ревеле и Риге. Но так ли это? Из грамоты этого не видно. Свой шаг навстречу сделала и Россия: готовился проект союзного договора со Священной Римской империей (миссия Георга Шнитценпаумера фон Зоннер 1513 г.), и, по Н.А. Казаковой, именно поэтому в Москве было решено уступить⁷⁶.

В 1514 г. в Новгороде был заключен новый ганзейско-новгородский договор⁷⁷. Ганзейцы добились отмены финансового ценза в 10 ру-

блей серебром для юрисдикции ливонских и немецких городов, но все равно по местному праву можно было рассматривать дела только без вынесения смертного приговора (в последнем случае предусматривался совместный суд). Был утвержден беспрепятственный проезд для купцов с обеих сторон, свобода торговли всеми видами товаров (в том числе солью и металлами, которые могут быть использованы для военных нужд), вводилось два вида торговли — по весу (в таких случаях взималась пошлина за вес) и по единицам объема (пошлина за вес не взималась). То есть здесь решение было компромиссное, для иностранных купцов осталась лазейка манипулировать с весом. Ганза брала на себя ответственность за пиратство на море и нападения на русских купцов вблизи своих берегов, а новгородцы — за ограбление «немецких торговых людей... на земле или на воде».

Как справедливо замечает Н.А. Казакова, несомненным свидетельством роста русского торгового мореплавания является введение в договор отмены для русских кораблей «берегового права» — права местных жителей взять себе товары с корабля, потерпевшего кораблекрушение. Теперь разбитый корабль надо было возвращать со всем имуществом, за вычетом 10 % в пользу тех, кто помогал его спасти. Н.А. Казакова правильно указывает, что раньше данное правило для русских было просто неактуальным — до XVI века они мало плавали в Германию на своих судах⁷⁸. Видимо, для 1514 г. проблема потерпевших крушение русских кораблей стала уже насущной, и статья договора свидетельствует, что Россия была вполне «вышедшая к морю» и постепенно осваивалась на морских пространствах.

Крупным конфликтом ознаменовался 1525 год — ивангородский наместник князь В.И. Оболенский писал в Ревель, что ивангородцам, новгородцам и псковичам чинятся немалые притеснения и обиды, им не дают подводы и погребя, сажают в темницы без суда. В источниках есть очень колоритное описание ревельской тюрьмы: «...теснота, господине, такова — друг на друге лежим, а из задка, господине, идет, воняет, от неволи человеку ести, кое з голоду не хотят умереть. А свету, господине, также мало: одно, господине, окъно, и то перебито в две ряд железом, а окно, господине, не-

велико, а хоромина, господине, посадники ново зделана, ино, господине, дух тяжел, ино с тоски нам пропасть»⁷⁹. Ливонцы мешают торговым сделкам, грабят имущество, в том числе на море, по отношению к ним не выполняют договорных обязательств, и даже самого посла, который привез в Ревель эту грамоту с претензиями, «лаяли и камнем шибали»⁸⁰.

По мнению Н.А. Казаковой, в дальнейшем вплоть до 1550 г. содержание русско-ливонских договоров не изменялось (они перезаключались в 1521⁸¹, 1531⁸² и 1535⁸³ годах). Содержание радикально переменялось в договоре 1550-го⁸⁴ и особенно 1554 года⁸⁵.

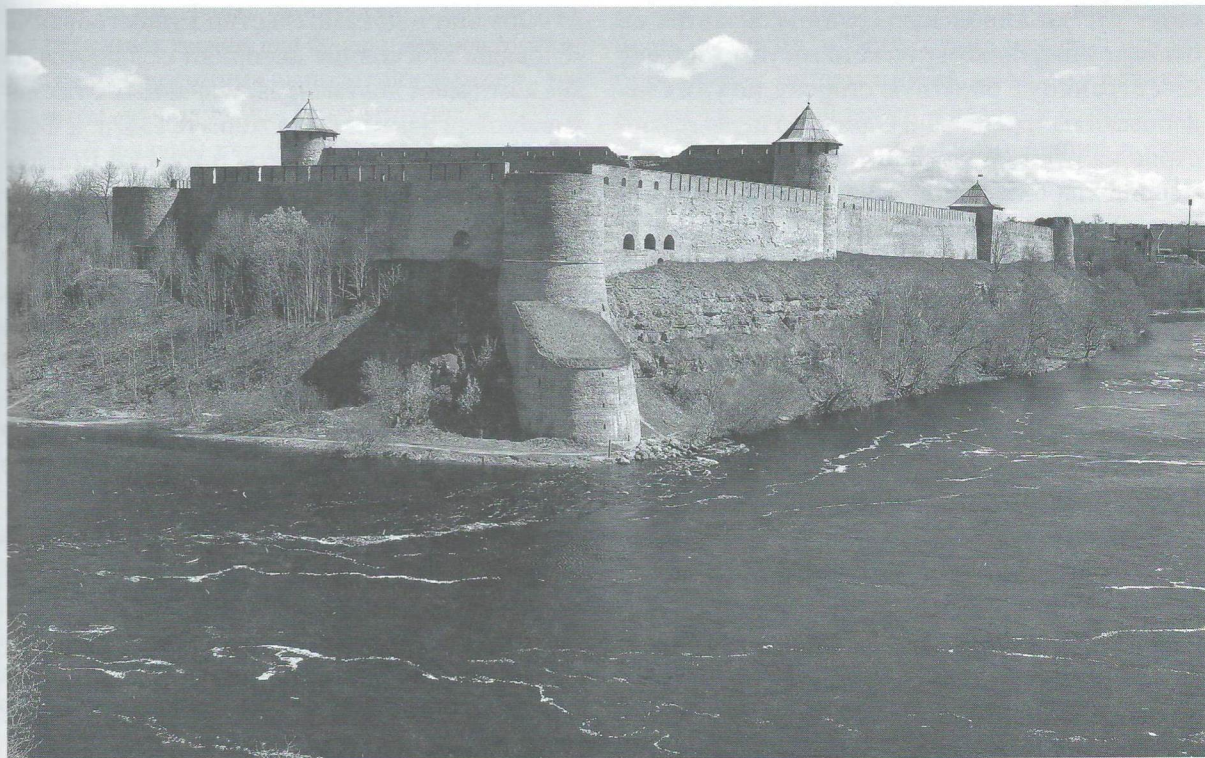
После 1515 г. начинается быстрое распространение русских купцов по всей Прибалтике, в том числе и в малых городах. Они торговали везде, несмотря на серьезный риск для жизни — бывало, что негодянт с товаром бесследно исчезал на территории Ливонии⁸⁶. Развитие экономических связей было налицо. Вместе с тем, в историографии распространено мнение, что к середине XVI в. Запад стремился «закрыть» Россию для торговли рядом това-

ров, ввести настоящую «торговую блокаду Московии». И что эта блокада и послужила одной из главных причин будущей Ливонской войны.

Тут надо разделять несколько моментов. Во-первых, торговая идеология Священной Римской империи в принципе не допускала торговли «стратегическими» товарами с варварским миром, к которому даже в XVI в. европейцы все еще относили и Россию. В качестве предостерегающего примера они ссылались на печальный опыт Великого Рима, который продавал оружие варварам — а потом они обратили его против империи.

Во-вторых, запреты на торговлю военными товарами с Россией со стороны Ганзы во многом инициировались Ливонией, которая справедливо полагала, что это оружие может легко обратиться против нее как ближайшего соседа русских. Это четко видно по торговле лошадьми — в Россию запрещался ввоз крупных коней, которые могли быть использованы в армии. Часто выходили и запреты других военных товаров. Так, в 1498 г. ландтаг в Валке запретил продажу русским меди, ландтаг 1499 г. запретил продажу доспехов, пушек, пороха, селитры и даже медных котлов и железной проволоки, которые можно было бы переплавить

Крепость Ивангород

в предметы вооружения⁸⁷. В 1507 г. Великое княжество Литовское и Ганза приняли совместный запрет на ввоз в Россию цветных и благородных металлов, в 1509 г. — ввоз котлов, олова и проволоки. Упоминания о запретах есть в 1519, 1520, 1529 годах⁸⁸. Русские купцы неоднократно арестовывались с грузами свинца, меди, предметами вооружения — но все равно упорно продолжали попытки их ввезти.

Перечень этих запретов можно значительно расширить, но необходимо сказать, что они выполнялись с трудом⁸⁹. Слишком велико было противоречие данной идеологии с коммерческими интересами как крупного прибалтийского купечества (и русского, и ливонского, да и заморского ганзейского), так и — и это, наверное, главное — с устремлениями пограничных контрабандистов. А ими были почти все пограничные жители с обеих сторон. Торговля оружием не прекращалась даже в годы русской войны в Прибалтике во второй поовине XVI века. Поэтому к данным запретам надо относиться как к выражению определенной идеологической позиции, но помнить, что экономическая реальность была иной.

Запрет на пропуск специалистов, особенно военных, диктовался простым соображением, что сегодня этот гость из Европы пересечет русско-ливонскую границу, а завтра он окажется наемником русского государя и пересечет границу в обратную сторону, но уже с недобрыми намерениями. Одним из первых корсаров на русской службе, видимо, был некий Севрин Нарбин, в 1527 г. прибывший в Ивангород с собственной яхтой, несущей артиллерийское вооружение, и отрядом вооруженных наемников. На Балтике у него была репутация пирата, специализирующегося как раз по охоте на ганзейские суда⁹⁰. Ливонцы пытались не пустить его на Русь⁹¹.

Тема «блокады Московии» породила в историографии мнение, что поводом к нападению на Ливонию выступала нужда России в «цивилизаторе», которую она готова удовлетворить даже военным путем. Наиболее оригинальна здесь точка зрения С.Ф. Платонова, который писал, что особую роль в притоке с Запада на Русь культурных людей сыграла Ливонская война, а именно — массовые переселения пленных немцев в глубь России. В Поволжье

«литва и немцы» обжились и обратно уже не стремились⁹².

Таким образом, Грозному приписывается весьма оригинальный подход: я тебя пленил, поработил и сослал в земли неизвестные, а ты меня теперь цивилизуй! Впрочем, эта концепция была поддержана и западными историками, в частности В. Урбаном, который вообще считал захват ливонского населения одной из главных целей Ивана IV в войну: царь хотел таким образом заполучить для России как можно больше специалистов-цивилизаторов⁹³.

Происхождение данной идеи связано с бытовавшей в Европе в первой четверти XVI в. убежденности в готовности и, главное, желании России приобщиться к духовным и культурным ценностям Запада. Эта убежденность основывалась на действительно довольно широких культурных контактах, охотном приглашении в Россию европейских специалистов. В Европе ходили слухи, будто бы Иван IV ищет покровительства императора в обмен на право приглашать германские войска в Московию. В связи с этим якобы уже начался набор ремесленников и мастеров разных специальностей. В Пруссии даже были убеждены, что если император откажет пропустить нанятых людей, они прорвутся в Россию силой.

Обычно в доказательство существования «блокады Московии» историки ссылаются на два комплекса документов, связанных с так называемыми делами Ганса Шлитте 1547 г. и Фейта Зенга 1582 г. Документы о миссии Шлитте хранились в Ватиканском архиве⁹⁴, а Зенга — в Венском⁹⁵.

Первый персонаж получил в историографии большую известность. По С.Ф. Платонову, «благодаря интригам Шлитте пред Европой впервые конкретно стал вопрос о «русской опасности» и о необходимости вести в отношении Московии политику изоляции и репрессий»⁹⁶. Краткая история этого авантюриста такова. 21 июня 1546 г. немец из г. Гослара Ганс Шлитте выехал в Россию. Он решил использовать конъюнктуру момента и выехал ко двору Ивана IV с рекомендацией прусского герцога Альбрехта⁹⁷.

В 1547 г. Шлитте вернулся в Европу и там объявил себя эмиссаром Ивана Грозного, которому поручено вербовать в Европе специалистов в области техники, медицины и культу-

ры. Госларец, по словам И.И. Полосина, начал свою миссию «с необычайной смелостью и блеском». Он явился на заседание Аугсбургского рейхстага, добился аудиенции у императора Карла V и предъявил ему верительную грамоту Ивана IV. Согласно этому документу, царь хотел нанять людей, «с помощью которых он мог просветить и украсить свою страну»⁹⁸. 31 января 1548 г. он получил императорскую грамоту на свободный набор мастеров и ученых и вывоз их в Россию. Текст содержал лишь одно ограничение: недопущение попадания этих специалистов через Московию в Турцию или Татарию.

Шлитте набрал 123 человека, однако по просьбе ливонцев их задержали в Любеке, а вскоре и арестовали их предводителя. Пока «эmissар Ивана Грозного» сидел в тюрьме, собранные им люди разбежались. Через два года из заточения бежал и сам Шлитте. Он теперь отправился во Францию, пообещав аугсбургскому бюргеру Георгу Гогенауеру огромные барыши, если тот поможет Шлитте в его поездках. Гогенауер дал денег, госларец добрался до Парижа, где обратился к маркграфу Альбрехту.

Альбрехт представил авантюриста королю Генриху II, перед которым Шлитте предстал исполнителем тайного, но очень важного поручения русского царя. В ходе выполнения своей миссии он пострадал от империи и теперь просит охранных грамот для возвращения в Московию ради завершения выполнения задания. Эти грамоты он получил. Они датируются июлем 1555 г. и выданы для проезда «любезному Жану де Шелетту, послу князя Московского» через владения Турции и Татарию «и оттуда ко двору его господина для доклада о некоторых важных делах по вверенному ему поручению, в частности, об обидах, притеснениях и оскорблениях, полученных им от императора». Шлитте также приобрел послание от Генриха к Ивану Васильевичу с заверениями в дружбе, готовности к союзу, обмену послами и т. д.

Однако денег опять не было, и Шлитте продолжал завязывать знакомства с людьми с богатым воображением и просить у них денег для исполнения миссии, способной перевернуть мир. В 1555 г. Шлитте выехал из Франции в Италию вместе с Гогенауером и неким Гансом Фоглером из Цюриха. В Ферраре они встретились с Фейтом Зенгом из Нюрнберга. Они по-

Иван IV. Немецкая гравюра XVI в.

казали потрясенному бюргеру кучу писем венценосных особ, и Зенг ссудил их деньгами на проезд. Как он сам пишет, «к моему великому несчастью я вступил в деловые отношения со... Шлитте и Фоглером». Компаньоны поссорились, Фоглер собрался донести на госларца, что он строит козни против империи и чуть ли не турецкий агент, и Шлитте сбежал.

Зенг не сразу осознал, что его обманули и возврата ссуды ему не видать. Надеясь получить долг обратно, он в 1557 г. добрался до Кенигсберга, где ему сообщили, что Шлитте укрылся в России. Нюрнбержец даже доехал до Невеля на русской границе, но его спутники испугались Московии, и Зенг вернулся в Кенигсберг. Его тяжба тянулась долго, он жаловался разным должностным лицам, до 1564 г. дело передавалось по инстанциям и затем заглохло.

В 1570 г. неугомонный заимодавец все же добрался до Московии и в Александровой Слободе вручил «дело должника Шлитте» дьяку Андрею Щелкалову. Несмотря на все ожидания,

Карта Московии Энтони Дженкинсона, 1562 г.

ничего не сдвинулось. Зенг пытался добиться возврата денег, посетив Россию в 1573 г., обращаясь к имперским послам в 1575 и 1576 гг., но они решали дела поважнее, чем отдача долга почти 30-летней давности. Отчаявшийся немец попытался придать своим обвинениям политический характер: он пытался подать донос, что Шлитте хочет наладить союз России, Франции и Турции и расстроить отношения империи и России. Это не помогло: Зенг влез в новые долги и даже оказался в тюрьме.

В последующем история миссии Шлитте получала трактовку в зависимости от политической конъюнктуры момента. Уже в конце XVII в. она была дополнена сообщением, что несколько спутников Шлитте все уже пробрались в Россию и служили русскому царю — что вполне соответствует атмосфере Великого посольства Петра I⁹⁹. В русской имперской историографии XIX в., для которой мысль об отсталости России и необходимости вызова иностранных специалистов была болезненной, к «эmissару Ивана Грозного» относились скорее скептически. Его считали авантюристом и самозванцем, преследовавшим свои собственные цели. Например, С.М. Соловьев сомневался в честности намерений Шлитте на основе того факта, что немец зачем-то, кроме специалистов, вербовал в состав своего отряда и западных священников, уж точно не востребованных в России¹⁰⁰.

Однако в поздней имперской и ранней советской историографии, в которой после Первой и Второй мировых войн формировался образ векового немецкого врага России, фигура Шлитте приобрела все черты русского национального героя. Он выступал борцом с блокадой Русского государства, которую ввела Ливония с целью «совсем разобщить Москву с Западом». Сталинские историки называли его «хорошо замаскированным, способным, смелым агентом».

Однако предложения, которые якобы делал Шлитте императору, подозрительно похожи на отражение политических ожиданий, которые с конца XV в. бытовали в Ватикане и Венском дворе в отношении России. «Эмиссар» общался, будто бы Иван IV предложил имперскому правительству в обмен на право проезда набранных специалистов в пределы России ссуду на 10 лет: 74 бочки золота и на пять лет

30 000 конников для войны с Турцией. Кроме того, московский государь якобы обещает заключить мир со всеми христианскими государствами и просит дать ему титул «императора всея Руси (*aller Reussen*)». Данные предложения находятся в полном противоречии с реалиями русской политики в отношении Священной Римской империи, зато полностью соответствуют инициативам, которые выдвигали германские дипломаты к России, начиная с миссии Николая Поппеля 1486 г. Шлитте сказал всего-навсего то, что от него хотели услышать, а вовсе не передал обращение русского царя...

Очень примечательно связанное с именем Шлитте поддельное письмо Ивана IV, адресованное императору Карлу V и датированное 1548 г. В послании от имени Грозного говорится, что хорошие отношения с императорами, которые являются «братьями» русских государей, установились с Василия III и их цель — достижение союза против турок. В мире есть две могущественные империи — Священная Римская и Русская. Вместе они могут «низвести турок на уровень земли». Россия надеется на приезд западных ученых, которые могли бы просветить народ и добиться единения с западной церковью. Эти люди также принесут в Россию «учреждения права и городской жизни», помогут построить церкви и молельни.

Иван IV просит направить в Московию оружейников, мастеров, изготавливающих доспехи и т. д. Императора предупреждают против врагов, которые хотели бы расстроить союз России и империи и слияние церквей, «как будто мы не христиане». Далее разъясняются особенности веры в Московии, доказывается ее принадлежность к христианству и декларируется готовность к религиозной унии с империей. Подчеркивается, что русские сами выступали христианскими миссионерами по отношению к варварским народам — перми, башкирам, черемисам, югре, кореле, «которые не поклонялись ничему другому, как солнцу, луне и звездам; с Божьей помощью они были завоеваны и обращены в христианскую веру». Благочестие России подчеркивает то, что она — враг мусульман-татар.

Иван IV описывает, что он правит огромной страной (600 немецких миль в ширину и длину) и «ежедневно сами вместе с герцо-

гом Георгом, нашим возлюбленнейшим братом и 24 князьями, которые сидят в совете... посещаем церковь и слушаем проповедь, по утрам месса, вечером служба и в полночь все-нощная». Царь утверждает, что «В нашем княжестве бесчисленное количество церквей... в Новгороде больше, чем дней в году».

Однако дальше содержание послания показывает, что миссия Шлитте преследовала прежде всего цели личной коммерции. Иван IV якобы выдвигает ходатайство в получении векселя Фуггерами из Аугсбурга, через которых и будут переданы московские деньги для борьбы с турками. «Долг империи немецкой нации» будет растянут на 20 лет, а хождение ссуженных денег будет контролировать «наш посол», т. е. податель письма — Шлитте. Для его охраны империя должна выделить 500 человек, чтобы враги не сделали ему худого и не сорвали грандиозный замысел союза двух держав.

На деньги и проценты с них можно будет содержать 30 000 московской конницы, которые придут в империю и будут пять лет завоевывать для нее земли. Их ратный труд гораздо дешевле немецких наемников. Главная цель — изгнать турок и идти походом на Константинополь. Русский царь поможет империи из идейных соображений, поскольку в стране, которой владеет Иван IV, в древности проживали предки германцев, «поэтому еще по сей день города, замки, реки, горы и деревья носят немецкие имена». На русских в борьбе с турками вся надежда, потому что «греческая вера» не дала столь далеко продвинуться османам, как католическая в Европе. Другим потенциальным перспективным союзником для империи выступают армяне.

Автор грамоты не стал обходить щекотливый вопрос о враждебных отношениях России с Ливонией, Польшей, Литвой. Императору предлагалось выступить высшим судьей в этих конфликтах, причем Иван IV готов предоставить в «заложники мира» «до 25 молодых господ наших князей» и даже сам готов явиться на суд императора в город, какой ему укажут.

В конце письма перечислялись богатейшие подарки, которые посылаются от Ивана IV к венскому двору, и приводятся извинения,

что «письмо написано не в столь изящном стиле, как в вашем государстве установлено, но на то есть причина — таких высокообразованных людей у нас нет, как у вас в государственной немецкой канцелярии»¹⁰¹.

Перед нами — немецкий публицистический памятник, составление которого связано с «промосковскими» идеологами Священной Римской империи, чье мировоззрение в образном виде очень точно охарактеризовано Р.Ю. Виппером: «Интересно наблюдать, как в Германии мечтают опереться на Москву, использовать ее грубую физическую силу и подправиться, омолодиться за ее счет: как в то же время отдельные члены распадающейся империи бояться неведомой, таинственной восточной громады»¹⁰². Подобный документ не мог возникнуть в русских посольских службах. И уж тем более вряд ли Ивана Грозного заботили финансовые дела аусбургских Фуггеров.

Поэтому определение Шлитте как тайного эмиссара Ивана Грозного вряд ли правильно. Кампания по вербовке специалистов в Европе велась совершенно открыто, была инициирована не Москвой, а самим госларцем, предложившим свои услуги. Поэтому можно ли, в сущности, ссылаясь только на миссию Шлитте, говорить о попытке России в 1547 г. нанять целую группу иностранных специалистов и на основе провала этой акции делать далеко идущий вывод о глобальной блокаде Русского государства? Памятники, связываемые с историей «агента русского царя», не могут подтверждать тезис о блокаде Западом Московии, зато очень рельефно высвечивают идеологические тенденции, существовавшие в германской Европе относительно России накануне и в годы Ливонской войны.

Тем не менее запрет на торговлю с Россией стратегическими товарами существовал — Ливония и Ганза декларировали такие ограничения в 1549, 1550, 1554 гг., то есть накануне войны. Пункт о недопущении торговли с русскими стратегическими товарами был включен также в литовско-ливонский Позвольский мир 1557 г. Вопрос, насколько эти запреты соблюдались на практике, остается открытым.

КАК В 1551 Г. ЧУТЬ НЕ НАЧАЛАСЬ ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА, И КАК В 1554 Г. ОНА СТАЛА НЕИЗБЕЖНОЙ

Россия и Ливония оказались на грани войны в 1550 г., когда Москва поставила условием продления перемирия «исправление» ливонцев в их «прегрешениях» в течение года, иначе — война. Впервые о войне применительно к Ливонии в 1550-е гг. говорится в письме рижского архиепископа Вильгельма прусскому герцогу Альбрехту от 9 декабря 1551 г. В нем сообщается, что один слуга магистра был послан в Москву к Ивану IV, вызвал недовольство царя «невежливым» обращением, недостаточно почтительным отношением к титулу (царь требовал, чтобы его именовали «непобедимым» — *unüberwindlicher Kaiser*). Царь также был раздражен запретом на пропуск из Ливонии вооружения (*Kriegsrüstung*). Упоминаются и неудачные переговоры 1550 г., на которых якобы обидели русских послов. В итоге Иван IV будто бы хочет получить из Казанского ханства 80 000 татар, разместить их в Новгороде и Пскове и готовиться к нападению на Ливонию. В 1551 г. ливонцы были крайне обеспокоены стягиванием московских войск у своей восточной границы. Так, в декабре 1551 г. архиепископ Вильгельм писал прусскому герцогу Альбрехту, что Иван Грозный хочет поселить в Новгороде и Пскове 80 000 татар для военной угрозы Ливонии¹⁰³. В другом источнике говорится, что в 1551 г. у ливонской границы было сосредоточено 100 000 московитов и 18 000 татар.

Данное сообщение несет важную информацию — во-первых, оно говорит о том, что в 1551 г., ввиду истечения годового ультиматума, предъявленного Россией Ливонии по-

сле неудачных переговоров 1550 г. (ультиматума, судя по всему, порожденного эмоциями от плохого обращения с русским посольством), магистр таки посылал в Москву гонца и пытался если не уладить конфликт, то, по крайней мере, понять, стоит ли ждать русского нападения в 1551–1552 гг. В русских источниках эти переговоры не упоминаются — видимо, они носили конфиденциальный характер. Для подобных заданий использовались малоизвестные посредники — так, летом в 1552 г. мирные предложения от имени магистра в Москву возила миссия еврея Симона, также неизвестная по русским документам.

Не знаю, насколько в Ливонии понимали фантастичность рассказа про 80 000 завербованных казанских татар (все казанское войско в лучшие времена немногим превышало 30 000, да и с Казанью в 1551 г. русские воевали, а не дружили), но примечательно, ради чего архиепископ Вильгельм заводит этот разговор: в очередной раз муссирует свою любимую тему о полезности союза с Польшей. Он говорит о введении новых налогов и тут же сетует, что им будет сопротивляться дворянство. Но ведь для защиты родной земли от «русской угрозы» можно и потерпеть? И, главное, Вильгельм, будучи архиепископом Риги, враждовал с орденом. Орден в письме прелата — главный виновник конфликта с Россией. Именно орденские чиновники обижали и унижали русское посольство и разозлили Ивана IV. Орден виноват в грядущих бедствиях Ливонии! А сам Вильгельм — радетьель за интересы всей земли...

Ливонские политики вскоре разобрались, кто с кем воевал в Казани, но это мало что изменило: сразу же возникло стойкое убеждение, что Иван IV после Казани будет завоевывать Ливонию, это его следующая цель. Перспективы грядущей войны с Россией рассматривались в меморандуме неизвестного автора о положении Ливонии 1552 г. Согласно анонимной записке, в 1552 г. адресованной прусскому герцогу Альбрехту, в начале 1550-х гг. Иван IV предъявлял к Ливонии следующие претензии: 1) блокада различными способами деятельности русских купцов в Ливонии; 2) высокие пошлины на экспорт и импорт русских товаров; 3) запрет на поставку товаров военного назначения: пушек, брони (лат), панцирей, свинца, меди, железа и стали, который затрудняет реализацию военных планов царя; 4) аресты товаров русских купцов, за которые царь требует возмещения в 60 000 талеров; 5) употребление подбавляющего титула русского царя вместо «великий князь московский»¹⁰⁴.

Согласно ливонским документам, русское вторжение не состоялось только из-за того, что в Гарриене и Вирланде свирепствовала чума¹⁰⁵ и зима выдалась с неустойчивой погодой. Поэтому Иван Грозный якобы и продлил перемирие до 29 сентября 1552 года. Ливонцы же понимали, что империя далеко и на помощь не придет, а с ближайшим европейским соседом — Великим княжеством Литовским — нет соответствующего договора. Поэтому, по утверждению автора анонимной записки, орден стал искать контакты с Вильно. Но Литва хотела вернуть ливонско-литовскую границу на так называемую «линию Радзивилла» 1473 года, что вызвало резкую неприязнь ливонской аристократии к руководству ордена: никто не хотел отдавать Литве захваченные земли в обмен на военный союз. Возникли пограничные конфликты, причинившие ущерб обеим сторонам. Высказывались также планы найма в Германии кнехтов и использование их против Московии¹⁰⁶. Пруссии же Ливония доверяла мало и на ее помощь особо не рассчитывала¹⁰⁷.

И магистр, и архиепископ с нетерпением ожидали возвращения ливонского посла (Ганса Анрепа?), который был в 1551 г. в Москве при великокняжеском дворе, а также по пути встречался с наместником Пскова и пере-

давал послание от магистра и Дерптского епископа в Великий Новгород. Посол привез известия о подготовке Московии к войне с Ливонией. Убеждение в грядущем нападении России на Ливонию зиждилось на том, что Москва закончит 33-летнюю войну с Казанским ханством, заключит мир и союз с ногаями и после его покорения освободит силы для наступления в Прибалтике. Наступление, по донесению посла, планировалось по трем направлениям: на Дюнабург, из Новгорода — на Нарву, из Пскова — на Нейгауз и Дерпт¹⁰⁸ (по другой версии — из Новгорода по двум направлениям — на Нарву и на Дерпт с Нейгаузом и из Пскова — на Дюнабург)¹⁰⁹.

В апреле 1552 г. магистром была получена грамота от Ивана IV. Царь возмущался неподобающим написанием его титула в документах ливонского посольства Ганса Анрепа. Посол должен был прибыть в Москву до 28 октября, для чего ему была прислана опасная грамота¹¹⁰. Однако в ноябре 1552 г. ливонский магистр получил от псковского наместника отказ пропустить посла на Русь. Ливонцы объясняли это эпидемией чумы, бушевавшей на Новгородчине¹¹¹.

Еще Х. Круус обратил внимание, что прибалтийские немцы в XVI в. ошибочно отождествили военные приготовления России против Швеции в преддверии русско-шведской войны 1555–57 гг. с подготовкой вторжения в Ливонию после переговоров в 1554 году¹¹². Данная фобия была традиционной: Н.А. Казакова показала, что в 1494 г. подготовку к русско-шведской войне (началась в 1495 г.) Ливония также отнесла на свой счет, усмотрев в ней намерения России напасть на орден¹¹³.

Ливонцы писали, что Иван IV — такой же враг христианского мира (в лице Ливонии), как и турецкий султан. Он выдвигает к Ливонии следующие претензии: 1) перекрытие всех путей для русской торговли; 2) высокие экспортные пошлины для русских товаров; 3) препятствование ввозу в Россию военных товаров и пропуску военных и технических специалистов, желающих наняться на русскую службу; 4) конфискация товаров у русских купцов, за что следует выплатить компенсацию в 60 000 талеров; 5) умаление титула русского царя всея Руси, именование его всего лишь «великим князем московским».

Все вышеприведенные документы содержат в большей степени фобии ливонцев, чем действительные планы России. Данный перечень не совпадает с реальными претензиями, которые Москва предъявила Ливонии в 1550 г. Чтобы понять суть намечавшегося конфликта, надо рассмотреть особенности русско-ливонских отношений в 1550-е гг. Их спецификой было то, что после присоединения к Москве Новгорода Великого и Пскова по-прежнему заключались три отдельных соглашения: Новгорода с Ливонским орденом (магистром), Пскова с Ливонским орденом (магистром) и Пскова с Дерптским епископством. При этом переговоры велись как наместниками Новгорода и Пскова, так и московскими посольскими службами и в любом случае утверждались великим князем и государем всея Руси.

Тем самым получалось, что ливонская сторона договаривается как бы не со всем Российским государством, а только с наместниками двух его окраинных провинций и только через посредничество этих провинций выходит на центральную власть. Хотя в реальности, конечно, за договором стояла воля московского государя, и все стороны это прекрасно понимали. Но Москве было выгодно сохранять новгородско-псковско-ливонский формат переговоров. Зачем? В основе лежало непризнание великими князьями равными себе ливонского магистра, рижского и тем более дерптского архиепископов. Переговоры между государями предполагали их более или менее равный статус, что в данную эпоху определялось через понятия «братство» или, в более приниженном случае — «суседство». «Братьями» русского государя считались крымские ханы (Гиреи), короли Польши (Ягеллоны), императоры Священной Римской империи (Габсбурги), турецкие султаны, английские и французские монархи. В случае прихода к власти в этих странах сомнительных правителей, вроде избранного «не Божьим соизволением, а мятежным чело-веческим хотением» польского короля Стефана Батория, они из «братьев» превращались в «соседей»¹¹⁴.

Ливония считалась младшей ветвью Немецкого ордена (более известного как Тевтонский орден). Тевтонского великого магистра Василий III называл «высокий магистр

Прусский»¹¹⁵, но ни о каком «братстве» речи не было. Глава Немецкого ордена, по сравнению с великим князем и государем всея Руси, в глазах и Василия III, и Ивана IV несомненно стоял на куда более низкой ступени в иерархии правителей Европы. А уж ливонский магистр, формально подчинявшийся великому магистру — и подавно. Их расценивали как «князей», правителей отдельной территории, по статусу близких к русским удельным князьям. Общаться с таким мелким правителем на равных означало бы допустить «поруху» государевой чести. А вот новгородский наместник для него в самый раз, примерно равен по статусу, как правитель отдельной земли, поставленный более значимым государем. Впрочем, на наш взгляд, не стоит видеть в сохранении новгородско-псковского формата переговоров какой-то особо злой умысел русской стороны. В средневековой дипломатии многое зависело от традиции.

В этом плане договоры 1550-х гг. как раз и были переменной существующей системы отношений, поскольку в их оформление властно вмешалось центральное правительство России. В договоре 1535 г. сказано, что он заключен «По Божьей воле и по великого государя велению...», но далее следует в своей основе традиционный текст новгородско-псковско-ливонских соглашений¹¹⁶. В договоре же 1550 г. говорится о резком обострении отношений, инициатором которого выступает именно Москва: «...благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честнаго князя Вифленского, и на арцыбископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских бесчестья и за обиды, и за торговые неизправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья»¹¹⁷.

Остальной текст договоров 1550 г. близок к договору 1535 г. и восходит к более ранним соглашениям. То есть новизна проявилась именно в самой угрозе войны «за неисправление», внесенном в договор. Причины названы две: пограничные конфликты (порубежные дела) и блокада Русского государства, непропуск в Россию европейских военных и технических

специалистов. В договоре Пскова с дерптским епископом 1550 г. этот перечень чуть более подробен: «...за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских безчестья, и за обиды, и за торговые неисправления, и за дань, и за старые залого, и что изъ Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропущали...»¹¹⁸.

То есть тут акцент делается на обидах, нанесенных новгородским и псковским купцам и на неплатеже «дани и старых залогов». Надо подчеркнуть, что все эти проблемы были традиционными для русско-ливонских конфликтов второй половины XV – первой половины XVI в. И пограничные споры, и притеснения купцов, и непропуск мастеров и стратегических товаров — все это были «факторами раздражения» в русско-ливонских отношениях еще со времен Новгородской и Псковской республики.

И даже упоминание некоей дани и «старых залогов», под которой, несомненно, имеется в виду знаменитая Юрьевская дань, тоже было ритуальной традицией. Об истории этой дани написано немало, но нельзя сказать, что в данном вопросе достигнута полная ясность¹¹⁹. Выдвигаемые еще средневековыми хронистами экзотические версии о «медовом сборе» (неких русских пчельниках на ливонской территории) и тому подобные надлежит признать несостоятельными. Вероятнее всего, наиболее правильны версии, выводящие происхождение этого платежа из древней дани, взимаемой Псковом с латышей Толовы в XIII веке. Так или иначе, несомненны два факта: что дань была изначально связана с областью Дерптского епископства и что она много лет не собиралась. Она фигурировала во всех известных псковско-дерптских договорах с 1463 г., но ливонцы ее никогда не платили, а русские не настаивали. Упоминание дани в договоре 1550 г. само по себе было лишь данью обычаю. На «исправление» по договору 1550 г. ливонцам отводился год¹²⁰.

Зачем Россия в 1550 г. выступила с подобным демаршем? Почему она грозила войной? Чего, собственно, добивалась Москва? Предположить наличие у дипломатов Ивана Грозного уже в 1550 г. далеко идущих планов аннексии Ливонии мешает полное отсутствие

каких-либо свидетельств на сей счет. Не существует абсолютно никаких источников за 1550-е гг., которые могли бы пролить свет на «кухню» работы российской посольской службы. Гипотетически такие планы могли быть: первым шагом в их реализации, возможно, являлся договор 1550 г., содержащий заведомо невыполнимое требование за год «исправиться во всех делах» и полностью соответствовавший традициям предшествующих новгородско-псковско-ливонских пограничных войн. Но реализации этих планов помешала начавшаяся в 1551 г. крупномасштабная Казанская кампания. О Ливонии было настолько забыто, что когда по истечении указанного года ни магистр, ни епископ не прислали послов и не доказали своего «исправления», на это просто не обратили внимания. Никого даже не смутило, что по истечении годичного перемирия без его продления стороны юридически в 1552–1554 гг. оказались в состоянии войны¹²¹. Царь брал Казань, решалась историческая судьба его царствования, до ничтожной Ливонии ли тут... Э. Тибберг очень точно заметил, что русская активность в отношении Ливонии в 1550 г. «не гармонировала» с борьбой на татарском направлении¹²².

Между тем, отрицать возможность существования в 1550 г. у Москвы планов какой-то военной акции против Ливонии тоже полностью нельзя. Э. Тибберг обратил внимание, что в 1550 г., также как и в 1557 г., накануне русского вторжения 1558 г., царь Иван Грозный издал запрет русским купцам ездить в Ливонию¹²³. Это косвенно может свидетельствовать о каких-то военных приготовлениях.

Далее в русско-ливонских отношениях возникает некий правовой вакуум. Ни Ливония, ни Россия продлять истекшее в 1551 г. годичное перемирие не спешили, но и реальную войну не начинали. Для России это годы покорения Казанского ханства, и ей было явно не до Ливонии. Переговоры с Россией возобновились только в 1554 г.¹²⁴ Главным и печально известным событием на них была внезапная для Ливонии актуализация требования юрьевской дани. Остальные пункты договора 1554 г., как подчеркнул И.П. Шаскольский, практически повторяют соответствующие положения договора 1550 г.¹²⁵

Переговоры о ливонской дани 1554 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода

В историографии принято мнение, что для России в 1554 г. был важен сам факт платежа дани: кто платит, тот является подданным, и если бы Ливония заплатила дань — то тем самым она бы признала свою политическую зависимость от России, а царя Ивана Грозного — своим сюзереном. Впрочем, данная трактовка не исключает и вымогательский характер действий Московии — в 1554 г. по отношению к Ливонии она вела себя как государство-рэкетир, под угрозой насилия вымогающий деньги. При этом не стоит видеть в требовании дани исключительно предлог для агрессии — неизвестно, состоялась бы война, если бы Ливония заплатила требуемую сумму. Нам представляется, что в 1554 г. на первом плане у России были еще финансовые и дипломатические интересы, военный сценарий всерьез не планировался.

Во всяком случае, содержание переговоров 1554 года говорит о том, что они были рассчитаны на какой-то период действия. Ничто в них не указывает на то, что целью России было исключительно найти *casus belli*. Москва выстраивала новую архитектуру отношений в Прибалтике, где Ливония выступала как зависимое государство, эксплуатируемое как прямым (сбор дани), так и косвенным образом (использование ливонской торговой инфраструктуры для коммерческих связей России и Европы). Именно это было в 1550-е гг. целью Ивана Грозного, а вовсе не поиск повода для военного вторжения. Если бы Ливония в 1554 г. уступила России (как в 1557 г. она склонится перед требованиями Польши), то, возможно, война за раздел Ливонии отодвинулась бы на неопределенный срок.

Ливонские послы на переговорах 1554 г. пытались дезавуировать требование платежа дани, но русские дипломаты, Алексей Адашев и Иван Висковатый объяснили, что в случае отказа царь «сам пойдет за данью», то есть начнет войну. Делать было нечего, и обязательство выплаты всех сумм до 1557 г. было включено в новгородско-ливонский договор (до этого с 1463 г. оно фигурировало только в псковско-дерптских договорах)¹²⁶.

И вот здесь начинается интрига. Почему Ливония, взяв на себя обязательство в течение трех лет собрать и выплатить дань России, отнеслась к этому требованию столь беспечно?

В роковом 1557 г. дань не была собрана. Ответ, видимо, содержится в том, что Россия и Ливония по-разному понимали (или делали вид, что понимают) заключенные соглашения. Как показали Э. Тибберг и В.Е. Попов, имело место некое лингвистическое недоразумение, допущенное случайно или сознательно. Переводы текстов договоров были выполнены разными переводчиками: псковско-дерптский — Гансом Фогтом, новгородский — Мельхиором Гротхузенем. Оба они перевели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: *denselbigen Zinss undersuchunge thun* и *den Tinss undersocken* соответственно.

Теперь игра слов в новгородском договоре меняла его смысл до неузнаваемости. Согласно немецкому тексту, предполагалось, что дерптский епископ исследует поднятый русскими вопрос о дани и в третий год перемирия отошлет результаты своего расследования в Москву. Если же он этого не сделает, то следствие должна будет провести вся Ливония. А в русском тексте договора стояло, что ливонцы обязуются собрать и через три года выплатить дань, а в случае неисполнения этого условия русский царь сам пойдет собирать дань! Откровенная угроза объявления войны превратились под пером переводчика Мельхиора в миролюбивое пожелание царя самому принять участие в разысканиях через своих послов... (*sine sacke suluest undersocken mith beschickinge syner baden*)¹²⁷.

Перед нами ошибка переводчика или умысел участников переговоров? Для средневековых договоров вообще-то характерна подобная терминологическая двусмысленность. Дипломаты больше всего боялись навлечь на себя гнев пославших их монархов, поэтому нередки случаи, когда каждая сторона писала в своем варианте договора то, что велел монарх. Разница текстов договоров устраивала всех. Русские дипломаты Адашев и Висковатый отчитались перед царем Иваном Грозным, что дело сделано, Ливония обещала заплатить. Ливонские послы по возвращении могли заявить, что они отвергли страшные и необоснованные претензии «московского варвара» и согласились только на «расследование» вопроса о дани. В любом случае это было на руку обеим сторонам,

и 24 июня 1554 г. в Новгороде они скрепили договоры печатями¹²⁸.

В Ливонии, несомненно, понимали, что послы слухавили и что ситуация складывается не столь замечательно, как хотелось бы побывавшим в Москве дипломатам. Переписка орденского магистра Генриха фон Галена, рижского архиепископа Вильгельма с их адресатами в Ливонии и Европе свидетельствует, как показал М. Маазинг, что среди лансгерров был страх перед «русской угрозой», опасение, что неплатеж дани может привести к войне. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий¹²⁹. Но дни шли за днями, ничего страшного не происходило, и победило традиционное для Ливонии довольно легкомысленное отношение к договорам с Россией.

Даже когда в 1555 г. новгородский посланник Келарь Терпигорев прибыл в Дерпт для подтверждения соглашения, ливонские политики утвердили договор, но с «протестацией». Под ней понималось право оспорить договор в камерном суде Священной Римской империи. Сразу же обнажилась пропасть между юридической культурой европейски образованных ливонцев и дипломата московского царя. Терпигорев понятия не имел, что такое «протестация». Когда же ему объяснили, с трудом скрывая ликование («уж император-то поставит московитов в границы!»), он равнодушно ответил: «А какое моему государю дело до императора?».

Заключительное поведение Келаря Терпигорева в изображении ливонского хрониста Бальтазара Рюссова весьма символично: он кладет грамоту, в которой подтверждается обязательство ливонцев платить дань, себе за пазуху, и объясняет присутствующим смысл своих действий: «Ведь это маленькое дитя, которое нужно холить и кормить белым хлебом и сладким молоком. Когда же ребенок подрастет, то наверно заговорит и принесет большую пользу нашему великому князю». По Ниенштедту, Терпигорев выразился еще более образно: угостив провожавших его ливонцев на радостях водкой «по русскому обычаю», отдавая своему подьячему грамоту, он сказал: «Смотри, береги

и ухаживай за этим теленком, чтобы он вырос велик и разжирел». Как мы видим, ливонские хронисты, для осмысления положения Ливонии прибегли к образу беспомощного, но готового к употреблению домашнего скота, вроде дойной коровы, разжиревшего теленка, которого уловят в сеть, затравят собаками и вообще отдадут на заклятие, а он ведет себя, как несмышленный теленок¹³⁰.

Следующие полгода ливонцы занимались архивными изысканиями, результатом которых стали пять старых договоров: два из городского архива Дерпта и три — из епископского, в которых о дани не было ни слова. Посчитав, что они таким образом «сыскали дань», дерптский епископ и магистр направили в начале 1557 г. посольство в Москву, снабдив его обнаруженными документами.

Аргументы послов не произвели на царя никакого впечатления: он посоветовал им «отставить их безлепичные и непрямыя речи» и исправиться во всех делах. Как показано В.Е. Поповым, напрасно орденские послы убеждали Ивана Висковатого, будто магистр «...и вся ливонская земля поняли тот пункт, который записан в последней грамоте не иначе как «расследование, наведение справок» (нем.: *nachforschung, erkundigung*), а не «собрание» (*sammlung*), как это толкует царь и государь всея Руси: поэтому это недоразумение, будто дерптский епископ обязан давать царю всея Руси подать или дань...»¹³¹.

В марте 1557 г. послы были «бездельно отпущены с Москвы». Ливония занервничала, и было от чего — призрак войны подступил неожиданно близко. «А теперь из-за глупого недопонимания одного слова все зашло так далеко», — говорилось в инструкции новым дерптским послам в Москву в сентябре 1557 г.¹³² Только теперь ливонская дипломатия решила начать торг о сумме выплат. Но было уже поздно: в ноябре 1557 г. при дворе Ивана Грозного выйдет русская грамота об официальном объявлении войны Ливонскому ордену¹³³, а в январе 1558 г. поместная конница перейдет реку Нарову и начнется первая война России и Европы...

«ВОЙНА КОАДЪЮТОРОВ» 1556–1557 ГГ.

В 1556 г. в Ливонии вспыхнула так называемая «война коадьюторов». Ее причины лежали как во внутренних противоречиях Ливонии, так и в попытке сыграть на этих противоречиях Короной Польши. В октябре 1553 г. к архиепископу Вильгельму обратился с просьбой молодой мекленбургский герцог Ян Альбрехт: пристроить его брата Кристофа в орден или на должность рижского коадьютора, так как сам герцог не может содержать многочисленное потомство своего отца¹³⁴. Эта просьба противоречила рецессу Вольмарского ландтага 1546 г., по которому представитель наследственной аристократии не мог быть назначен коадьютором или епископом, поскольку это грозило секуляризацией ордена.

Герцог Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн увидел в этом назначении шанс поссорить между собой орден и Рижское архиепископство. Если между ними возникнет конфликт из-за кандидатуры Кристофа, то польский король Сигизмунд II получал законное право вмешаться в конфликт как протектор и родственник архиепископа Вильгельма. Вмешательство может иметь любые формы, вплоть до отправки войск на защиту архиепископа и его коадьютора, т. е. фактически — военного вторжения и интервенции. 1 сентября 1555 г. на встрече с Альбрехтом Сигизмунд II принял план и обещал оказать Кристофу полную поддержку¹³⁵.

В декабре 1555 г. кандидатура Кристофа на должность коадьютора Рижского архиепископа Вильгельма была внесена официально. 12 января 1556 г. на заседании конвента в Вендене выступил польский посол Каспар Ланский. Он предъявил требование Сигизмунда II как протектора рижского архиепископа избрать коадьютором Кристофа. При этом ма-

Печать рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского. Прорись

Печать комтура Феллина 1538 г.

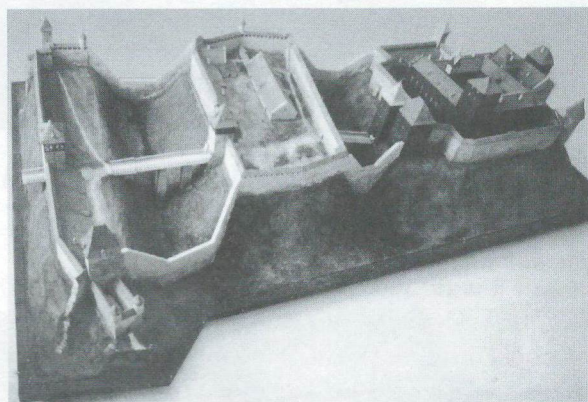

Развалины замка Феллин

гистр издевательски принял Ланского: не уступил ему почетного места за столом, силой заставлял его пить, а затем не пускал «по нужде», так что королевскому посланнику пришлось перепрыгивать через стол¹³⁶. Конвент подумал два дня и пришел к выводу, что он неправомочен принимать какие-либо решения, а утвердить или отклонить кандидатуру коадьютора может только ливонский ландтаг¹³⁷.

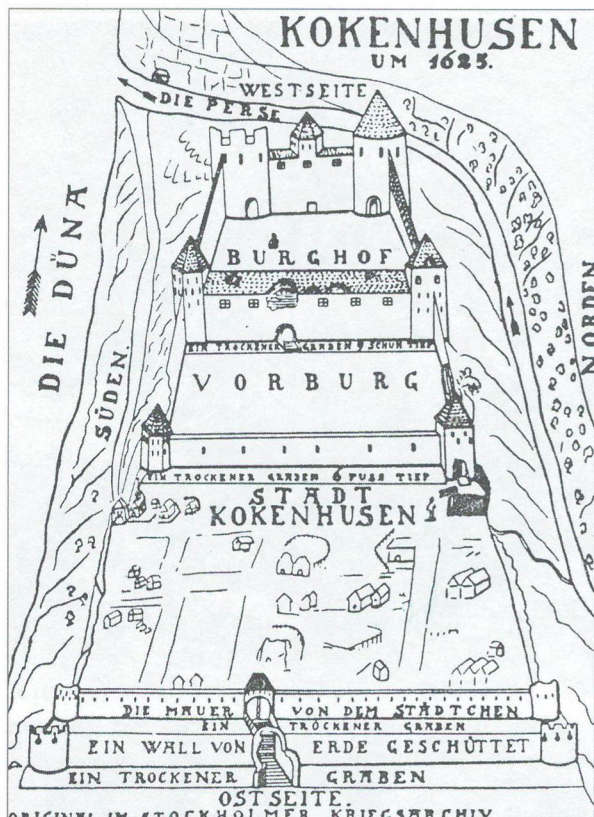
Видя нерешительность ордена, 28 января 1556 г. рижский капитул, собравшийся в замке Лемзаль, избрал Кристофа коадьютором. Тем самым магистр просто был поставлен перед фактом. 8 марта 1556 г. собравшийся в Вольмаре ландтаг рассмотрел вопрос о коадьюторстве Кристофа Мекленбургского¹³⁸. Орден выступил против, ссылаясь на Вольмарский рецесс 1546 г. Ливонское духовенство поддержало Вильгельма и Кристофа¹³⁹. Тогда было принято компромиссное решение: признать Кристофа коадьютором, но ограничить его полномочия особыми условиями: запретить секуляризировать архиепископство, заключать союз с польской Коронай, действовать во вред независимости Ливонии и т. д.¹⁴⁰

Одновременно магистр ордена Генрих фон Гален избрал себе своего заместителя, тоже за-

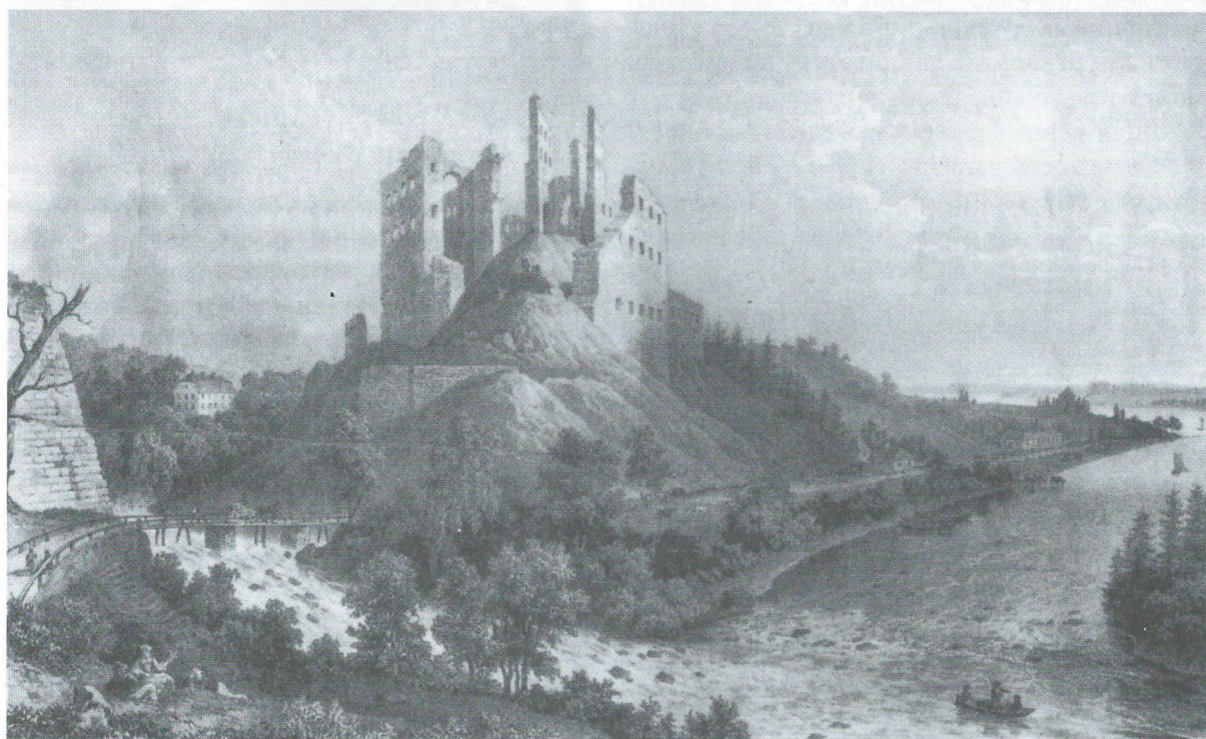
Макет крепости Феллин в XVI в.

нимавшего должность коадьютора. Им стал феллинский комтур Вильгельм фон Фюрстенберг. Более вызывающую кандидатуру было сложно представить. Между Фюрстенбергом и Вильгельмом давно сложились неприязненные отношения: еще в 1551 г., когда новоиспеченный коадьютор был дюнабургским комтуром, у него произошел серьезный конфликт с советником Вильгельма Иеронимом — Фюрстенберг обвинил его в государственной измене¹⁴¹. Так комтур и архиепископ стали врагами, чем, видимо, и было обусловлено избрание Фюрстенберга в 1556 г. в пику Вильгельму и Кристофу Мекленбургскому¹⁴². Бывший фел-

Кокенгауз. Рис. начала XVII в.

Развалины Кокенгауза. Гравюра XIX в.

линский комтур также прославился как гроза ливонско-литовской границы, неоднократно возглавлявший набеги ливонцев на литовские земли. Таким образом, его персона выглядела вызывающей и для Короны Польши. К тому же возник и личный конфликт — на пост коадьютора магистра претендовал ливонский ландмаршал, Каспер фон Мюнстер. По традиции, именно ландмаршал должен был занять должность коадьютора. А тут вместо него назначили Фюрстенберга...

Таким образом, интрига вполне удалась: благодаря конфликту самолюбий и искреннему желанию сделать назло своим политическим конкурентам в ливонской элите возник серьезный раскол. Архиепископ Вильгельм написал Сигизмунду II Августу, что к власти в Ливонии пришли антипольские силы, например, давний враг Короны Фюрстенберг, а потенциальный союзник Польши — ландмаршал Мюнстер — жестоко и несправедливо обижен. Король послал к магистру фон Галену посла, Каспара Ланского с письмом, в котором выразил обеспокоенность ситуацией в Ливонии. Обиженный Мюнстер послал жалобу императору Священной Римской империи, обвинив руководство ордена в нарушении порядка кадровых назначений. При этом Мюнстер стал разыгры-

вать пропагандистскую карту: он заявил, что поспешные и злонамеренные решения ордена могут дать возможность москвитам завоевать Ливонию. У Ланского также была и секретная миссия: заверить Мюнстера, что «в случае чего» Польша его поддержит¹⁴³.

Обида лишила Мюнстера здравого смысла. Полученный намек на поддержку извне подтолкнул его к заговору. 5 мая 1556 г. сторонники Мюнстера предприняли неудачную попытку захватить Дюнамюнде¹⁴⁴. Они выступили от имени ландмаршала и рижского архиепископа Вильгельма с его коадьютором Кристофом. 10 мая мятежники отправили Сигизмунду зашифрованное письмо с просьбой о польской военной интервенции, но оно было перехвачено орденом¹⁴⁵. Попытку переворота поддержала часть ливонских замков, в которых сидели сторонники ландмаршала.

Столь удачное начало развития не получилось. Сопротивление возглавил коадьютор ордена Фюстенберг, почему конфликт и был назван «войной коадьюторов». По приказу Фюстенберга отряды рыцарей и орденских наемников напали на замки, гарнизоны которых

Развалины замка Кокенгауз на р. Даугаве

были готовы поддержать Мюнстера. 8 июня о неподчинении мятежному архиепископу заявила Рига, а 16 июня ее действия поддержали все епископы ордена. 16 июня Вильгельм получил официальный акт объявления войны. 18 июня орденским отрядом был атакован замок Ронненбург и взят к вечеру 21 июня. 24 июня орденские войска взяли Зербен, резиденцию секретаря Вильгельма Кристофора Штурца, и замок Пибальг, принадлежавший коадьютору Кристофу Мекленбургскому. Сам Кристоф вместе с Вильгельмом был осажден 28 июня в Кокенгаузе.

М. Стрыйковский, чтобы предать событиям больший драматизм, писал о восьмидневной осаде Кокенгауза¹⁴⁶. На самом деле большого сражения не получилось: не успели орденские войска занять позиции вокруг Кокенгауза, как навстречу им выехал Кристоф Мекленбургский с заявлением, что мятежники страстно желают сдаться. 30 июня руководители заговорщиков были арестованы. Вильгельм

Развалины на въезде в замок Кокенгауз. Где-то здесь происходила сдача в плен Кристофа Мекленбургского

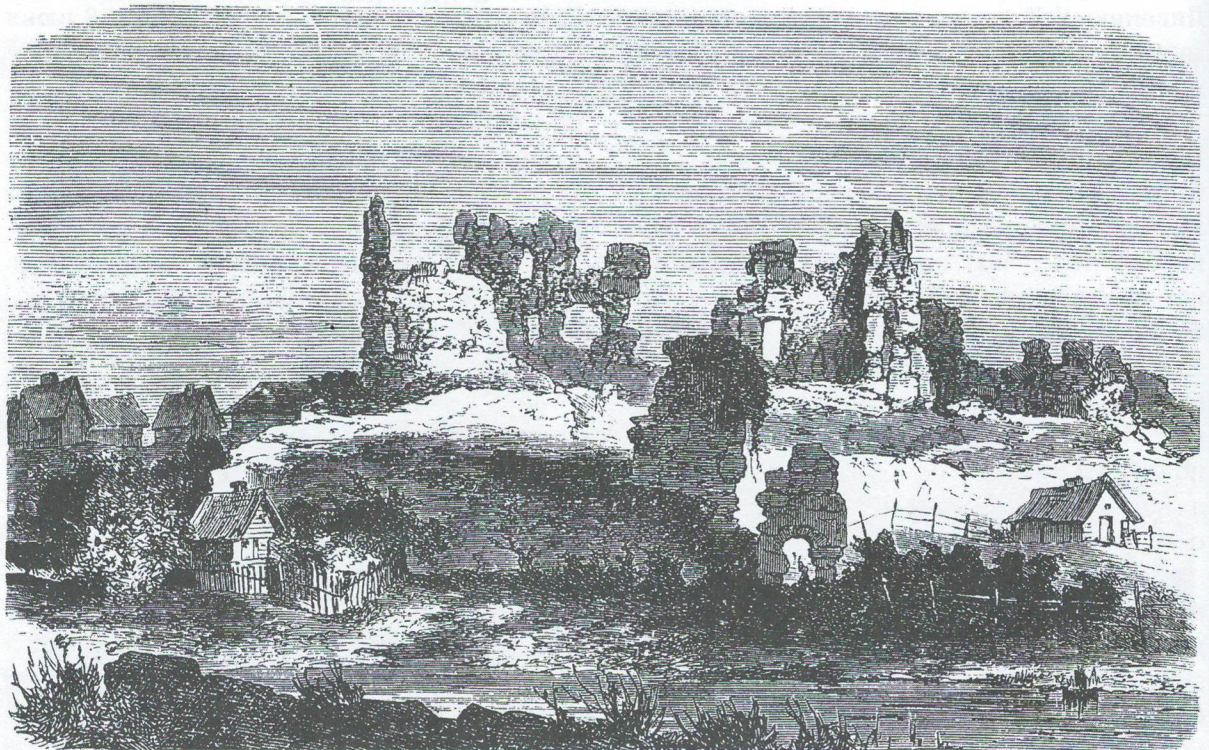
ма заточили в замок в Шмильтен, а позже перевели в тюрьму г. Адзеля; а Кристофа выслали в Трейден (его не стали сажать в тюрьму из-за юного возраста)¹⁴⁷.

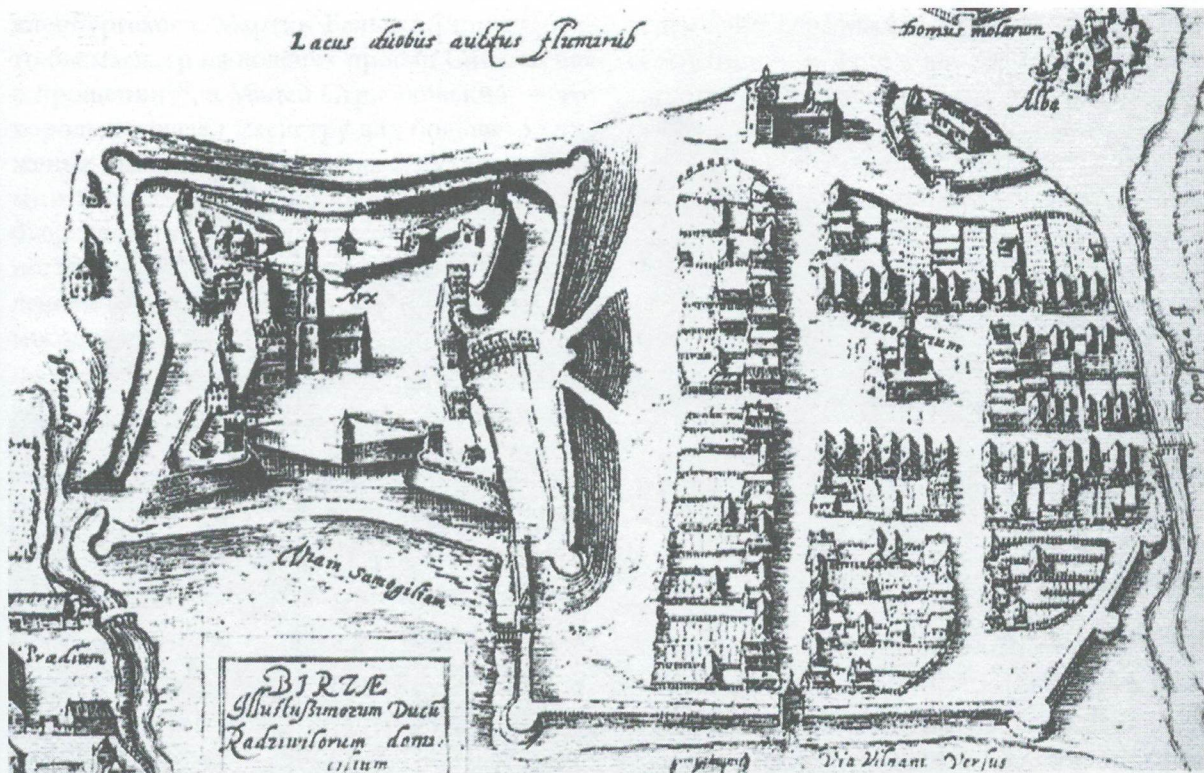
Сигизмунд II Август с удивлением обнаружил, что столь хорошо начинавшийся мя-

теж провалился. Ситуацию усугубило то, что розиттенский командор Вернер Шалль фон Белль перехватил польского посла, Каспара Ланского, с тайными письмами и инструкциями для мятежников. Их содержание совершенно недвусмысленно указывало на поддержку Короной ливонских заговорщиков. При задержании Ланского польский посланник был убит — в схватке один крестьянин, не слыхавший о тонкостях дипломатии и неприкосновенности послов, нанес ему удар сзади.

Убийство посла и компрометирующие письма поставили орден на грань войны с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Польский историк Мацей Стрыйковский позже напишет, что ливонцы совершили злодеяние, «забыв Божье и людское»¹⁴⁸. Тогда же появились пугающие слухи о смерти не перенесшего оскорбления и дурного обращения архиепископа, да к тому же ливонцы конфисковали корабли и товары литовских купцов в Дюнабурге¹⁴⁹.

Развалины замка Розиттен, где был командором Вернер Шалль фон Белль. Рис. XIX в.

Биржи. Рис. XVII в.

Видя, что в Ливонии вот-вот начнется война, которая может закончиться распадом страны и захватом Прибалтики Польшей, словно мухи на мед начинают слетаться дипломаты европейских держав, желающих поучаствовать в грядущем разделе региона. В августе 1556 г. в прибыли представители германских княжеств: послы померанских герцогов Барнима и Филиппа — Андреас Блюменталь, Матиас Бесс и Иоганн Вольф¹⁵⁰. В ноябре 1556 г. в Ливонию прибыли датские послы. Они пытались заступиться за рижского архиепископа перед делегатами ландтага. Однако их миссия, как отметил К. Расмуссен, имела неожиданный эффект: орденские политики решили, что раз к ним приехали для урегулирования ситуации послы датского короля, в успокоении ливонской смуты заинтересованы Дания и Священная Римская империя. Они заступятся за орден и не позволят польской Короне начать интервенцию. Поэтому можно действовать решительней и жестче.

11 мая 1557 г. к Сигизмунду II прибыли послы Священной Римской империи, которые привезли решение по делу рижского архиепископа как подданного империи, принятое германским рейхстагом 20 декабря 1556 г. Оно ка-

салось в основном имущественных условий освобождения Вильгельма и подробно оговаривало как возмещение ущерба ордену за «войну коадьюторов» из бывших владений архиепископа, так и земли и замки, которые должны быть отданы на содержание бывшему мятежнику. 24–25 июля 1557 г. прошли вялые польско-имперские переговоры, которые не привели ни к какому решению¹⁵¹.

Когда не работает дипломатия, начинают говорить пушки. Варшавский сейм принял решение о созыве «посполитого рушения». Войска собирались в Вильно, после чего двинулись к границе. Летом 1557 г. литовская армия, под общим командованием троцкого воеводы Миколая Радзивилла¹⁵², в которой также были 4000 коронной пехоты и 2000 конников под командованием коронного маршалка Яна Малецкого, прошла маршем от Вильно до Аникшты и была сосредоточена у границ ордена¹⁵³. Одновременно от замка Рагнит к ливонским границам двинулись прусские отряды Альбрехта, которые планировали соединиться с силами Сигизмунда под Биржами и Салатами¹⁵⁴.

Развалины замка Бауск

Преувеличивая угрозу, современники писали о якобы 100000-ной армии поляков против 7000-го орденского отряда Фюрстенберга. М. Бельский свидетельствовал, что у магистра было 7000 рейтаров, шесть отрядов кнехтов плюс несколько тысяч ополчения из простолюдинов¹⁵⁵. Такую же численность приводит и М. Стрыйковский, но он добавляет, что еще свои отряды прислали гапсальский, дерптский и ревельский епископы¹⁵⁶.

Данные цифры, видимо, преувеличены. Если бы Фюрстенберг располагал подобной армией, то он вполне мог бы защитить Ливонию от польско-литовского вторжения. На самом деле главной силой, которая выступила против возможного вторжения неприятеля, был небольшой отряд немецких наемников, собранный Готгардом Кетлером и выдвинутый в район Бауска.

2 августа 1557 г. Сигизмунд выступил с предложением мира, главными условиями которого было возмещение Ливонией ущерба, причиненного Литве и Польше, а также ре-

ституция имущества рижского архиепископа. Переговоры с польской стороны вел Миколай Милецкий. В них в качестве посредников участвовали дипломаты Священной Римской империи, к которой посылали за помощью епископы гапсальский, ревельский и дерптский. В случае отказа польский король грозил военным вторжением, причем 19 августа была даже заготовлена грамота об объявлении войны Польшей Ливонскому ордену¹⁵⁷.

Таким образом, летом 1557 г. Ливония впервые в своей истории оказалась перед реальной угрозой военной интервенции и вмешательства иностранной державы в ее внутренние дела. «Война коадьюторов», изначально выглядевшая как локальный междоусобный конфликт ордена и епископа, которых немало было в истории Прибалтики, неожиданно чуть не обернулась катастрофой. Рыцари не решились сопротивляться. Не дожидаясь начала войны, они решили сдаться на милость победителя.

Фюрстенберг, ставший новым магистром вместо умершего 30 мая 1557 г. фон Галена, со свитой из 300 конников приехал в лагерь к Сигизмунду. Он передал ему пленных архиепископа Вильгельма и коадьютора Кристофа Ме-

кленбургского. Мартин Бельский писал, будто бы магистр на коленях просил Сигизмунда о прощении¹⁵⁸, а Мацей Стрыйковский — что король приказал магистру для большего унижения явиться в обоз польско-литовской армии и пасть в ноги королю, и струсивший Фюрстенберг исполнил требуемое¹⁵⁹. Возможно, конечно, что здесь мы имеем дело с восхвалением Короны польскими историками и на самом деле все проходило не так гладко. Но это не меняет факта капитуляции ордена, даже не рискнувшего оказать хоть какое-то сопротивление.

5 сентября Сигизмунд потребовал уплатить 60 000 талеров — военные издержки, компенсацию расходов на выступление войск. 14 сентября представители ливонских сословий в Риге подтвердили готовность выплатить эти деньги¹⁶⁰. Однако, как показал В.Е. Попов, договор был в последний момент изменен в пользу ливонской стороны, и для польского короля с его вечно пустующей казной это была очень заметная уступка. Сам договор гласит, что сделано это было под давлением императорских посредников. В.Е. Попов считает, что уступка Ливонии была сделана в связи с заключением тогда же, 14 сентября, антироссийского польско-ливонского соглашения. Стороны заключили своеобразную сделку: военный союз в обмен на освобождение от уплаты денег. Выгоды Фюрстенберга были очевидны: через несколько недель истек срок, отпущенный Россией по договору 1554 г. для сбора дани, и поэтому и деньги, и военный союз (на случай, если царь вздумает «сам идти за данью») были весьма кстати. Для польского же короля этот договор стал в некотором роде компенсацией за его отказ от претензий на возмещение издержек. Подобная сделка кажется совершенно логичной: богатый союзник лучше разоренного недруга, который может, к тому же, в ближайшем будущем попасть под власть вечного врага — московского царя, также выдвигающего прежде всего финансовые требования¹⁶¹.

Стоит согласиться с гипотезой В.Е. Попова, что уже первый русский нажим на Ливонию в 1550 г. и в 1554 г., а затем и «война коадьюторов» обнажили беспомощность империи в отношении защиты своих дальних провинций. Поэтому совершенно естественным кажется

стремление переложить эту обязанность на соседей Ливонии. Еще в январе 1551 г. император отвечал на жалобы магистра фон Брюггеня на давление Москвы, что империя не в состоянии предоставить Ливонии поддержку, но в случае необходимости магистр должен просить помощи у соседей¹⁶². В 1553 г. император Карл V дал согласие на польско-ливонский союз при условии сохранения сюзеренитета империи над Ливонией¹⁶³. Весной 1557 г. ближайший сподвижник Сигизмунда II на ливонском направлении прусский герцог Альбрехт в беседе с датскими посредниками выразил желание заключить между короной и Ливонией антимосковский союз¹⁶⁴. Таким образом, почва для антироссийского соглашения готовилась давно, и к нему активно побуждали и империя, и Польша.

14 сентября 1557 г. между Ливонией и Коронай Польской был заключен Позвольский мир. Как отмечено в тексте соглашения, оно состоялось благодаря посредничеству и по инициативе римского короля Фердинанда, герцогов Штетина и Померании Барнима и Филиппа, которым Священная Римская империя поручила урегулировать споры между Ливонией и Коронай. Он заключал в себе несколько соглашений. Первое касалось отношений между магистром и рижским архиепископом. В нем причиной войны назывались разногласия (*controversiae*) между магистром фон Галеном и архиепископом Вильгельмом. Сигизмунд II не мог не вступить за Вильгельма в силу родственных уз, а также в силу своего долга протектора Рижского архиепископства. Король также хотел «оружием отомстить за свои обиды и несправедливости, совершенные ливонцами против всех подданных Великого княжества Литовского». В этих словах явно звучит месть за деятельность Фюрстенберга в литовско-ливонском пограничье, но несомненен и другой подтекст: достигнут исторический реванш, вот и второй немецкий орден — бывшие надменные меченосцы, веками заливавшие кровью литовские земли — преклонили колена перед польской Коронай и Великим княжеством Литовским.

Вильгельму и Кристофу обещали восстановление в должностях, полномочиях и владениях. Кoadьютор объявлялся официальным

наследником Вильгельма на Рижском архиепископстве, если на это будет воля самого Вильгельма. Главным здесь было получение Вильгельмом юрисдикции над половиной Риги. Ему возвращались символы архиепископской власти, грамоты, книги и акты личного хозяйства. Магистр давал гарантии, что если какой-то документ при конфискации был случайно утрачен, то он будет восстановлен. Полностью возмещались все материальные убытки, в том числе — военные трофеи рыцарской армии, захваченные при взятии городов, защищаемых мятежниками. В качестве компенсации захваченного провианта (который был уже съеден) орден выплачивал архиепископу 100 ластов пшеницы. Еще 50 ластов получали Вильгельм и Кристоф в качестве погашения ущерба их личному имуществу, который трудно точно подсчитать.

Розиттенский командор Вернер Шалль фон Белль должен был явиться на королевский суд, представить доказательства случайности убийства посла польского короля Каспара Ланского и умолять Сигизмунда II о пощаде. Крестьяне, непосредственно виновные в смерти Ланского, были схвачены. Их выдали на суд королю, который намеревался их казнить. Это обстоятельство было особо оговорено во втором соглашении, между Фюрстенбергом и Сигизмундом II.

Единственное, что удалось сделать в пользу ордена Фюрстенбергу, — включить в соглашение ряд положений из 21 пункта требований Вольмарского ландтага от марта 1556 г. о полномочиях Кристофа Мекленбургского. Он не мог секуляризировать Рижское архиепископство и передавать его по наследству, должен был гарантировать невмешательство во внутренние дела ордена и отказаться от политики силы — все спорные вопросы пусть решаются в суде.

Второе соглашение было заключено между магистром и польским королем и содержало в себе условия мира между Ливонией, Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Это, во-первых, восстановление в должности и реституция в отношении Вильгельма и Кристофа, о чем подробно говорилось в первом документе. Во-вторых, учреждение специальных комиссий для раз-

бора пограничных дел. Здесь Корона пошла по традиционному пути: учреждались комиссары, которые должны были зафиксировать границу по ее демаркации 1473 г. (так называемая «Радзивиллова граница»). Демаркацию предполагалось произвести повторно. Арбитром в случае возможных «споров на меже» должен был выступить гнезненский архиепископ Николай Дзирковский. Также учреждался суд по пограничным конфликтам из трех литовских и трех ливонских дворян. Раздел предполагалось начать 1 августа 1558 г., и в дальнейшем его собирались подвергать ревизии каждые пять лет. В конце 1557 г. были назначены специальные комиссары для пересмотра границ между орденскими и литовскими землями¹⁶⁵.

Помимо земель, предполагался возврат и движимого имущества. Ливонцы должны были вернуть торговые корабли, захваченные у Литвы, а литовцы — пшеницу (или деньги за нее). Провозглашался отказ от репрессалий (то есть демонстративных актов насилия и устрашения) в пограничной зоне.

Более всего выигрывали от соглашения купцы Польши, Великого княжества Литовского и Ливонии. Они получали право свободной торговли на территории и Ливонии, и Королевства Польского, и Литвы. Для подданных Сигизмунда II стала доступна торговля в Риге. Отменялись многие недавно введенные пошлины.

Фюрстенберг принимал на себя обязательство компенсировать все военные расходы, понесенные армией Сигизмунда во время похода к границам Ливонии. Точная сумма компенсации в соглашении не указывалась.

Орден и Корона заключали мир, брали на себя обязательство не выступать против друг друга, не участвовать в военных союзах и не оказывать никакой поддержки сторонам, выступающим против Ливонии, Польши и ВКЛ.

Кроме того, 14 сентября 1557 г. в присутствии все тех же имперских посредников Фюрстенберг подписал с Сигизмундом третье, отдельное союзное соглашение, направленное против России. Московия объявлялась общим врагом. В случае нападения России на Великое княжество Литовское или Польшу Ливония была обязана выступить на их стороне, и нао-

борот. Стороны не могли заключать сепаратное мирное соглашение с Россией без консультаций друг с другом и одобрения принятого решения обеими сторонами. Правда, в договоре был пункт, что ливонско-польский союз вступит в силу только через 12 лет. В этот 12-летний промежуток Корона могла самостоятельно воевать с Россией или продлить на какой-то срок литовско-русское перемирие без консультаций с ливонской стороной.

Таким образом, совместная война Польши, Литвы и Ливонии против России планировалась на 1568 г. Если по тем или иным причинам перемирия будут прекращены досрочно (например, умрет магистр, польский король или великий князь Московский, и договоры потребуется перезаключать заново), то стороны вольны продлить перемирие или начать войну немедленно. Союзники также обещали друг другу не пропускать в свои земли перебежчиков (кто с недобрыми целями едет из России в Литву через Ливонию и кто пытается сбежать из Литвы в Россию)¹⁶⁶.

В историографии распространено мнение, будто Позвольский мир открывал прямую дорогу к грядущей Ливонской войне: он грубо нарушал условия русско-ливонского соглашения 1554 г. Об этом говорил уже первый историограф этого военного конфликта Тильман Бреденбах (1526–1587) в своей «Истории Ливонской войны» («*Historia belli Livonici*», опубликована в 1564)¹⁶⁷, об этом писали ливонские хронисты — современники войны (например, И. Реннер)¹⁶⁸, и это отмечалось поздними историками (В. Кирхнером, Э. Доннертом, В. Чаплинским, В.Д. Королюком, Л.А. Дербовым, В. Бобышевым и др.)¹⁶⁹. По выражению В. Кирхнера, это соглашение «обескуражило» Ивана IV¹⁷⁰, а Р. Фрост вообще назвал Позвольский договор «провокацией» в отношении Московии¹⁷¹.

Правда, ряд исследователей, склонных либо преуменьшать в балтийской политике роль Польши в пользу Дании (К. Расмуссен), либо оправдывать и смягчать позицию Королевства Польского (В. Урбан¹⁷²) и Великого княжества Литовского (В. Станцелис)¹⁷³, считают Позвольский мир «незначительным», компромиссным и слабо повлиявшим на развитие ситуации вокруг Ливонии. Даже перспектива во-

енного союза была отнесена на 12 лет. Э. Тибберг полагал, что Москва просто не знала о существовании Позвольского договора¹⁷⁴.

Вопрос о том, являлся ли Позволь для Москвы *casus belli*, довольно спорный. Собственно говоря, заключение военного союза Ливонии и Короны против Московии, с отложенным сроком вступления в силу на 12 лет, вряд ли могло настолько разозлить Ивана Грозного, что он немедленно начал войну. Скорее Россию мог возмутить сам факт заключения договора с Коронай — по итогам русско-ливонских переговоров 1554 г. Ливония брала на себя обязательство не вести переговоров с Сигизмундом II и уж тем более не подписывать с ним союзнических соглашений. Но вылилось бы это возмущение в войну?

В грамоте об объявлении войны Россией Ливонскому ордену, датируемой ноябрем 1557 г., в перечислении нарушений клятвы, допущенных ливонцами, говорится, что они обещали: «...к Жигимонту королю Полскому и Великому князю Литовскому или иной хто Государь будетъ на Полском королевстве и на Великом княжестве Литовском, и вам к нему не приставати ни в чем, никоторыми дель»¹⁷⁵. Но это условие названо самым последним, после нарушения обязательства платить дань, упоминания о разорении православных церквей, препятствиях торговле в Ливонии русским купцам и т. д. И о его несоблюдении не говорится конкретно, просто приводится общая фраза о «преступлении крестного целования». Русские дипломаты ни разу не упомянули о Позвольском соглашении в перечислении причин войны — по крайней мере, его нет в документах московского происхождения¹⁷⁶.

А это говорит о том, что, даже если о Позволе в Москве знали, — ему явно не придавали такого уж судьбоносного значения. Поэтому построения ученых, считающих Позволь *casus belli*, пока не получили аргументации, основанной на актовом материале. Они транслируют мнение немецких и ливонских хронистов (И. Реннера, Т. Бреденбаха и др.), отраженное в нарративных памятниках. Но ему нет доказательств в документах XVI века.

Польской же стороной ливонско-польско-литовский конфликт августа-сентября 1557 г. официально считался, в соответствии

с *narratio* Позвольских договоров 1557 г., восстановлением фамильной чести польского короля, наказанием ливонцев за убийство королевского посла, пограничные рейды в Литву¹⁷⁷ и притеснения литовских купцов. Именно в таком виде — с сопутствующими конфессиональными мотивами — он и вошел в польские хроники, начинавшие отсчет истории борьбы за Прибалтику в середине XVI в. вовсе не с русского вторжения в 1558 г., а с «войны коадьюторов» 1556 г. и Позвольского мира 1557 года¹⁷⁸. Станислав Сарницкий назвал эти события *Teutónico bello* и также связывал начало борьбы за «Инфлянтов» с действиями Вильгельма Фюрстенберга и его противостоянием с рижским архиепископом¹⁷⁹.

Однако Позвольскому миру было не суждено остановить эскалацию конфликта. По образному выражению О. Дзярновича, «войну коадьюторов» и Позвольский мир, которые

могли бы положить конец разделу Ливонии, «теперь помнят только историки» — все затмила начавшаяся в 1558 г. Ливонская война¹⁸⁰.

Таким образом, «война коадьюторов» 1556–1557 гг. положила начало закату Ливонии. И хотя в военном отношении конфликт носил локальный характер и быстро закончился, в дипломатической сфере безо всякой войны Ливония согласилась на серьезные уступки и фактически утратила часть своего суверенитета. Во всяком случае, после 1557 г. ливонская внешняя политика оказывалась полностью зависимой как от Короны Польской, так и от Священной Римской империи. Из событий 1556–1557 гг. следовал еще один жестокий урок: стало ясно, что Ливония не в состоянии выдержать никакого серьезного внешнего агрессивного воздействия, неспособна защитить себя. До начала раздела Прибалтики оставалось около трех месяцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря об истории Балтийских войн, очень важно определить для них точку отсчета. Когда начало борьбы за Прибалтику историки относят к январю 1558 г., к русскому вторжению в Ливонию, то «за флагом» остается вся предыстория конфликта. В таком случае непонятно, как Ливония дошла до такой жизни и почему ее гибель была неизбежной. Если не учитывать

событий первой половины — середины XVI в., то причины Ливонской войны будут сведены к агрессии России против невинной Ливонии, порожденной захватническими устремлениями русского царя-тирана. Если же учиты-

Карта Балтики и Скандинавии. XVI в.

вать всю настоящую предысторию конфликта, то ситуация выглядит совсем по-другому. Россия вовсе не была единственной страной, желающей захватить Прибалтику — столь же агрессивной была роль Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Герцогство Пруссия, Священная Римская империя, Швеция, Дания также стремились к активному участию в разделе Ливонии.

Это был крупный международный конфликт, порожденный изменением геополитической реальности, угасанием старого, средневекового мира на Балтике, мира Ганзейского союза и немецких северных крестоносцев, прибалтийского новгородско-псковско-ливонского «мира-экономики», концом эпохи

феодалных локальных государств, рассеянных по берегам Балтийского моря. Ему на смену приходили державы раннего нового времени, «молодые хищники», претендующие на превращение в империи или преследующие глобальные геополитические цели, такие, как экономический и политический контроль над крупномасштабным регионом, например таким, как Балтийский мир. Борьба за него началась с передела Прибалтики как самого «прогнившего» звена в системе балтийских государств. Она растянется почти на 70 лет, в которые прибалтийские земли станут одним из активно действующих полигонов знаменитого «столетия войн» (1550–1648) Европы раннего нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. Westport, 1970. P. 60. — Подробнее об отношениях Ливонии с Ганзой см.: *Schildhauer J.* The Hanse: History and Culture. Leipzig, 1985. P. 162–169.

² *Бессуднова М.Б.* Великий Новгород в конце XV – начале XVI вв. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 10–55; *Idem.* Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений) // Новгородский исторический сборник. 2013. Вып. 13 (23). С. 171–184.

³ Карта составлена на основе материалов и карты, помещенной в работе: *Flötmann A.* Der Revaler Russlandhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland – Livland – Russland: Ihre Beziehungen von 15. bis zum 17. Jahrhundert / Hrsg. Von Norbert Angermann. Lüneburg, 1988. S. 136.

⁴ *Косточкин В.В.* Русские военно-оборонительные сооружения XVI в. у устья Наровы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 52. С. 25–32; *Носов К.С.* Русские крепости конца XV–XVII в. СПб., 2009. С. 28.

⁵ *Арбузов А.А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер. с нем. В. Бука. СПб., 1912; *Muravski K.* Zwischen Tannenberg und Torn. Die Geschichte des Deutschen Ordens unter dem Hochmeister Konrad von Erlichshausen. 1441–1449. Göttingen, 1953; *Benninghoven F.* Der Orden der Schwerbrüder. Fratres Milicie Christi de Livonia. Köln; Graz, 1965; *Lampe K.H.* Bibliographie des Deutschen Ordens bis 1959. Bonn, 1975 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens Bd. 3). S. 120–154; *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981; Der Deutschordensstaat Preussen in der polnischen Geschichtsschreibung der Gegenwart / Hrsg. von U. Arnold, M. Biskup. Marburg, 1982; *Burleigh M.* Prussian Society and the German Order. Cambridge, 1984; *Prace z dziejow panstwa i zakonu krzyzackiego / Pod red.: Zscharowskiego A.* Torun, 1984; *Wolter von Plettenberg.* Der grösste Ordensmeister Livlands / Hrsg. von N. Angermann. Lüneburg, 1985 (Schriftenreihe Nordost-Archiv. Heft 21); *Biskup M., Labuda G.* Dzieje zakonu krzyzackiego w Prusach: Gospodarka, spoleczenstwo, panstwo, ideologia. Gdansk, 1986; *Salles F.* de Annales de l'Ordre Teutonique ou de Sainte-Marie-de-Jerusalem depuis son origine jusqu'à nos jours et du Service de sante volontaire avec les listes officiels des chevaliers et des affiliates / Pref. du Comte de Stolberg-Stolberg F. et postf. de Coutant de Saisseval G. Geneve; Paris, 1986; *Boockman H.* Der Deutsche Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte.

München, 1991; *Zimmerling D.* Der Deutsche Ritterorden. Dusseldorf, 1988; *Ritterbrüder im Livländischen Zweig des Deutschen Ordens / Hrsg. von L. Fenske, K. Militzer.* Köln; Böhlau, 1993 (Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Bd. 12.); *Stadt und Orden.* Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und in Deutschen Reich / Hrsg. von U. Arnold. Marburg, 1993 (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 44.); *Christiansen E.* The Northern Crusades. London, 1997; *Demel B.* Der Deutsche Orden im Spiegel seine Besitzungen und Beziehungen in Europa. Frankfurt am Main, 2004; *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Berlin, 2005; etc.

⁶ Подробнее см.: *Hellman M.* Livland und das Reich. Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Jhg. 1989. H. 6.

⁷ *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492–1772. London; New York, 1990. P. 25–26.

⁸ *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 20.

⁹ *Случевский К.* По Северу России. СПб., 1888. Т. III: Балтийская сторона: Путешествия их Императорских Высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 гг. С. 243–244.

¹⁰ *Biskup M.* Livland als politischer Faktor im Osteeraum zur Zeit der Kalmarer Union // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union 1397–1521 / Hrsg. von Z. Nowak. Toruń, 1999. S. 100–101.

¹¹ *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 429, 431.

¹² О роли вестфальских немцев в Ливонии см.: *Neitmann K.* Westfalen als Rekrutierungsgebiet des Deutschen Ordens in Livland // *Wolter von Plettenberg* und das mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann und I. Misāns. Lüneburg, 2001. S. 113–128 (Schriften der Baltischen historischen Kommission. Bd 7).

¹³ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. P. 4–11; *Urban W.* The Livonian Crusade. P. 430, 432.

¹⁴ *Kleinenberg I.* Tallinna vene kaubahovi ajaloost XV–XVI sajandil // Известия АН Эстонской ССР. 1962. Т. 11. Серия общественных наук. № 3. С. 251–252.

¹⁵ *Павулан В.В.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 87.

¹⁶ Дорошенко В.В. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 50.

¹⁷ Jakubowski J., Kordziłowski J. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Warszawa, 1915. T. XIII. Inflanty. S. 89–90.

¹⁸ Лесников М.П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1948. Т. VIII: Кафедра истории Средних веков. Вып. 1. С. 61–93; Он же. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и в начале XV в. // Исторические записки. М., 1952. Т. 39. С. 259–278; Он же. Die Handelsbeziehungen Groß-Novgorods mit dem Deutschen Orden // Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Abteilung. Berlin, 1954. S. 859–878; Он же. Lübeck als Handelsplatz für osteuropäische Ware im XV. Jahrhundert // Yansische Geschichtsblätter. Köln, 1960. Jg. 78. S. 67–86.

¹⁹ Клейнберг И.Э. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV – начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 39–40.

²⁰ Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 28. С. 119.

²¹ Клейнберг И.Э. Цены, вес и прибыль... С. 43–44; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 31–32.

²² Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 196–197.

²³ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 184, 186, 198.

²⁴ Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung. 1552 // Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearb. von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2005. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Kulturbesitz. Bd 57). S. 26–28. Nr. 1545.

²⁵ Зутис Я.Я. Остзейский вопрос... С. 25.

²⁶ Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 163.

²⁷ Рюсов Б. Ливонская хроника. С. 320–332, 360.

²⁸ Romanowski J.N. Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim r. 1557 // Rocznik Tow. Przyj. Nauk. T. I. S. 330; ср.: Karwowski S. Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558–1561 roku. Poznań, 1873. S.17–18.

²⁹ Urban W. The Livonian Crusade. P. 445.

³⁰ Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do Monarchii Jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // Komunikaty mazursko-warmińskie. Kwartalnik. 1979. Nr. 4 (146). S. 394.

³¹ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 28–29.

³² Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 396.

³³ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // Lithuanian Historical Studies. 2000. № 5. P. 21.

³⁴ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 143; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984 [Acta Universitatis Upsalensis. Studia Historica Upsaliensia. Bd. 134]. S. 85.

³⁵ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I: Борьба из-за Ливонии // Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1893. Ч. 33. С. 70.

³⁶ Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV — першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз. Мінск, 2003. Т. 1. С. 38–39.

³⁷ О роли Вильгельма в формировании в Ливонии пропольских настроений см.: Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 37–38; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S.85–87.

³⁸ См.: Tyszkiewicz J. Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519–1521. Warszawa, 1991.

³⁹ [1556 April]. Bedenken der polnischen Räte zum livländischen Handel // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 280. Nr. 1816.

⁴⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 206–208.

⁴¹ Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 394.

⁴² Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 63.

⁴³ Olewnik J. Polsko-Pruski plan...S. 396–397.

⁴⁴ 1551 Dezember 9, Ronneburg. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 19. Nr. 1541; ср.: Рассуждения о пагубных последствиях для Ливонии русского вторжения: 1552 April, Ronnenburg. Memorial Erzbischof Wilhelms an Heinrich von Galen, Meister in Livland, überbracht von Antonius Wagner // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 46. Nr. 1556/2.

⁴⁵ Обзор истории установления польскими королями протектората над Рижским архиепископством см.: Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556–1557 r. // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1908. T. 22. S. 362–380.

⁴⁶ 1552 Oktober 3, Königsberg. Memorial Erzbischof Wilhelms an Herzog Albrecht. // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 56–57. Nr. 1565.

⁴⁷ Тайный мемориал герцога Альбрехта к Сигизмунду II Августу, 14 июля 1555 г. — Цит. по: Olewnik J. Op. cit. S. 397.

⁴⁸ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 28–29. — см. также: Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»... С. 39, 42.

⁴⁹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 234–235. — Текст инструк-

ции ливонским послам от 7 января 1503 г. см.: Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Zweite Abteilung. Bd 2 Nr. 436.

⁵⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 238.

⁵¹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 235. — Она также опровергает мнение Г. Козака (*Cosack H.* Livland und Russland zur Zeit der Ordensmeisters Johann Freitag // *Hansische Geschichtsblätter.* 1928. Jg. 52. Bd 32. S. 93–94), что конфликт в 1501–1503 гг. разгорелся из-за восточной окраины архиепископской области Пурпау, поскольку нет никаких свидетельств о ее принадлежности Пскову.

⁵² Рихтер А.Ф. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822. Ч. 17. С. 252–253; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоюнию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 121–122.

⁵³ Грамота Елизаветы Ивану IV от 25 ноября 1581 г. // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 2.

⁵⁴ Из отчета посла в Англию Ф. Писемского, 1582 г. // Сб. РИО. Т. 38. С. 31.

⁵⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 315; РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. Кн. 1. Л. 3, 32 об, 36.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 332.

⁵⁷ Там же. С. 342.

⁵⁸ Наказа посольству А.М. Ромодановского // РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. Кн. 1. Л. 317 об.

⁵⁹ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 213.

⁶⁰ Речь Н.А. Фуникова-Курцева и дьяка А. Васильева перед Крымским послом Ян-Болдуем в Москве, апрель (?) 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 10. Л. 17 об, 18 об., 19; Наказ послу в Крым А.Ф. Нагому, март 1563 г. // Там же. Л. 29–29 об.

⁶¹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 238–242.

⁶² Там же. С. 243.

⁶³ Там же. С. 244.

⁶⁴ Договор магистра с Василием III, заключенный в Новгороде. 23 марта 1509 г. // РГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией. Оп. 2. № 2.

⁶⁵ Обзор мнений ученых о «соляном вопросе» см.: Клейнберг И.Э. Серебро вместо соли // История СССР. 1977. № 2. С. 115–123.

⁶⁶ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 248–251.

⁶⁷ Там же. С. 253–255.

⁶⁸ Stern C. Der Separatvertrag zwischen: peskau und dem Stift Dorpat vor 25. März 1509 // Mitteilungen aus Baltischen Geschichte. Riga, 1939. Bd 1. Nr. 3; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 256–257.

⁶⁹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 259.

⁷⁰ Там же. С. 302–305, 307.

⁷¹ Там же. С. 309–310.

⁷² 1510 г. Ответ новгородских великокняжеских наместников князей Даниила Васильевича Щени и Василия Васильевича Шуйского послам магистра Ливонского и Ганзейских городов на предложение возобновить торг по старому доброму уставу // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Стб. 7–12. № 5.

⁷³ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 314.

⁷⁴ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 63–64.

⁷⁵ 1512 г., июня. Грамота новгородского великокняжеского наместника, князя Василия Васильевича Шуйского и окольничего и дворецкого Ивана Андреевича Жулебина бургомистрам и ратманам городов Риги, Юрьева и Колывани о том, что ходатайство их о торге с землями великого государя будет уважено только тогда, когда все Ганзейские города пришлют своих послов бить челом о перемирии // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 12–16. № 6.

⁷⁶ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 319–320.

⁷⁷ В описи РГАДА ошибочно обозначен как договор магистра с Василием III, заключенный в Новгороде от 25 мая 1514 г. См.: РГАДА. Ф. 64.. Оп. 2. Д. 3.

⁷⁸ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 326–327.

⁷⁹ Челобитная колыванским посадникам и ратманам [от] заключенных в колыванскую тюрьму новгородцев, священника и купцов, с жалобами на их несносное положение и с просьбою выпустить их на поруку, 1484–1504 гг. // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 78–79. № 40.

⁸⁰ 1525 г. Память посланца ивангородского наместника и воеводы князя Василия Ивановича Оболенского к колыванскому командору, посадникам и ратманам... // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 29. № 17.

⁸¹ Договор магистра с новгородскими наместниками, заключенный в Новгороде. 1 сентября 1521 г. // РГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией. Оп. 2. № 4.

⁸² Договор магистра с новгородскими наместниками, заключенный в Новгороде. 1 октября 1531 г. // Там же. № 5; Договор магистра с Василием III. 1 октября 1531 г. // Там же. № 6.

⁸³ Каиштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 182–297.

⁸⁴ Договор магистра Ягана фон Реке с новгородскими и псковскими наместниками о перемирии на 1 год, а если магистр, епископы Юрьевский и Рижский за это время исправятся в обидных делах, то еще на 5 лет. 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией. Оп. 1. № 8, 9. То же с дерптским епископом — Там же. № 10.

⁸⁵ Договор магистра Генриха фон Галена с Иваном IV, заключенный в Новгороде, о перемирии на 5 лет // РГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эст-

ляндией и Восточной Финляндией. Оп. 2. № 11, 12; Договор Юрьевского епископа Гартмана с Иваном IV. 1554 г. // Там же. № 13.

⁸⁶ Отписка наместника и воеводы Ивангородского Григория Андреевича Кольчева колыванским посадникам и ратманам о розыске пропавших без вести, вместе с товаром, государевых людей, Тимофея Кондратьева и Григория Назарьина, выехавших из Колывани с нанятыми под товар извощиками-бусниками Ивашкой Шилнуем с товарищами, без даты // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 33–34. № 18.

⁸⁷ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 294–295. — По А.Л. Хорошкевич, первый запрет действовал с 1495 года. — Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 38.

⁸⁸ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 39, 74.

⁸⁹ Примеры см.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 295–296, 302.

⁹⁰ 1527 г., марта 19. Грамота великого князя Ивана Васильевича в Колывань, бургомистрам и ратманам, в ответ на их челобитье от всех ганзейских городов, о разграблении ганзейских кораблей Севрином Нарбиным, прибывшим на службу великого государя // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 39–42. № 22.

⁹¹ 1527 г. Отписка Ивангородского наместника и воеводы князя Ивана Ивановича Оболенского в Колывань, бургомистрам и ратманам об отнятых колыванцами у людей приехавшего на службу к великому государю Севрина Нарбина яхтах, пушках и пищалях // Русская историческая библиотека. Т. 15. Стб. 39–40. № 21.

⁹² Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 20–21.

⁹³ Urban W. The Livonian Crusade. P. 473.

⁹⁴ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 135: De Deputatione Johannis Schlitten a Joanne Magni Moscovitae Duce in Germaniam pro adducendis viris eruditos atque artificibus.

⁹⁵ Полосин И.И. Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР. М., 1955. Ч. II. Документы по истории XV–XVII вв. С. 247–271.

⁹⁶ Платонов С.Ф. Москва и запад в XVI–XVII веках. С. 11.

⁹⁷ Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеева и А.В. Назаренко, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 16–18; Она же. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 69–70. — См. также: Форстен Г.В. Балтийский вопрос... Т. 1. С. 42–46; Forsteuter K. Preussen und Russland von Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter den Grossen. Göttingen, Berlin, Frankfurt, 1955. S. 116–121; Winter E. Russland und das Papsttum. Berlin, 1960. T. I. S. 205–214; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 95; Svensson S. Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal på den Livländska Ordensstaten 1558: En studie till den Ryska Imperialismens uppkomsthistoria. Lund, 1951.

[Skifter utgivna av vetenskaps-societeten Lund = Publications of the New society of letters at Lund. Nr. 35]. P. 175.

⁹⁸ 1582 г. Донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга Аугсбургскому рейхстагу о торговых операциях в Русском государстве и понесенных им издержках // Полосин И.И. Из истории блокады Русского государства. С. 257.

⁹⁹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 35.

¹⁰⁰ Соловьев С.М. История России. М., 1987. Кн. 3. Т. 6. С. 484, 706.

¹⁰¹ Hoff van, Georg. Erschreckliche, grewliche und nicht erhörte Tyranny'n Jo-hannis Basilidis. Naumburg, 1582.

¹⁰² Винтер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 144.

¹⁰³ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1551, Dezember 9, Ronneburg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 19. Nr. 1541.

¹⁰⁴ Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung. 1552 // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 26–28. Nr. 1545.

¹⁰⁵ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, Juli 28, Schwanenburg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 53. Nr. 1562. К осени 1552 г. чума пришла в Новгород, там от нее ежедневно умирало 1000 человек (цифра, несомненно, фантастическая) — Heinrich von Halen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Erzbischof Wilhelm. 1552, November 1, Karkus // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 61. Nr. 1569.

¹⁰⁶ В 1552 г. из Вендена были отправлены в Любек специальные чиновники для найма войска. Ревель и другие города заказали 500 наемников — Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 1552, Mai 20, Königsberg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 48. Nr. 1558.

¹⁰⁷ Denkschrift eines unbekanntenen Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung. 1552 // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 28. Nr. 1545.

¹⁰⁸ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, Januar 24, Ronneburg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 30–31. Nr. 1547.

¹⁰⁹ Von dem erzbischöflichen Jäger aus Rußland überbrachte Zeitung. 1552, Januar 24, Ronneburg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 32. Nr. 1547/1.

¹¹⁰ Ivan IV, Großfürst und Zar von Moskau, an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland. 1552 März, Moskau // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 45–46. Nr. 1556/1.

¹¹¹ Heinrich von Halen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Erzbischof Wilhelm. 1552, November 1, Karkus // Herzog Albrecht von Preußen und Livland... Bd 57. S. 61. Nr. 1569.

¹¹² Kruus H. Vene-Liivi Söda (1558–1561). Tartu, 1924. Lk. 20.

¹¹³ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 210.

¹¹⁴ Филлюшкин А.И. Титулы русских государей. М.: СПб., 2006. С. 231.

¹¹⁵ Грамота Василия III Альбрехту, магистру Прусскому, март 1517 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 53. С. 19.

¹¹⁶ Кауштанов С.М. Договор России с Ливонией 1535 г. С. 237–243.

¹¹⁷ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией. Оп. 1. № 9. Л. 10.

¹¹⁸ Договор псковских наместников с Дерптским епископом, 23 августа 1550 г. // Там же. Оп. 2. № 10. Л. 2 об.

¹¹⁹ Подробнее см.: Юрьенс И.И. Вопрос о ливонской дани // Варшавские университетские известия. 1913. № 6. С. 1–8; № 7. С. 9–16; № 8. С. 17–32; № 9. С. 33–57; Stern C. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558. Riga, 1936. S. 6–10; Idem. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448–1463 // JGO. 1940. Jg. 5. N. ¾. S. 413–418; Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 376–381; Казакова Н.А. Указ. соч. С. 135–137; Tiberg E. Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. T. 25. S. 593–594; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: карьера государственного деятеля в России. М., 1994. С. 197–199; Selart A. Der „Dorpat-er Zins“ und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / Hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–37.

¹²⁰ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. Л. 11–11 об. – Публикацию немецкого текста договоренностей 1550 г. см.: Наньерский К.Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 369–374. № 380. – Он представляет собой грубый и дефектный в ряде мест практически подстрочник к русскому тексту.

¹²¹ В современной эстонской историографии можно встретить подобное мнение: Laidre M. Dorpat 1558–1708: linn väe ja vaenu vahel. Tallinn, 2008. Lk. 38. – За указание этой работы благодарю М. Маазинга.

¹²² Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 111.

¹²³ Ibid. S. 10.

¹²⁴ О ходе переговоров см.: Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. С. 389–391; Tiberg E. Die politik Moskaus... S. 581–591; Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 21–26; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 149–153; Попов В.Е., Филлюшкин А.И. Русско-ливонские договоры 1554 г. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 109–130.

¹²⁵ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. С. 382. — Из других нововведений ученые иногда акцентируют внимание на принятии Ливонией на себя обязательств не вступать в соглашение с Великим княжеством Литовским, но, как подчеркнул И.П. Шаскольский, этот пункт не был новым,

а фигурирует в русско-ливонских договорах с начала XVI в. (Там же. С. 397). По Н.А. Казаковой, данные требования Россия предъявила Ливонии в 1505 г. (Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 243), а в 1509 г. они были включены в договор (Там же. С. 248–251).

¹²⁶ Отчет о переговорах ливонских посланников с «князем» Алексеем Федоровичем Адашевым и с дьяком Иваном Михайловичем (Висковатым). 28 апреля – 1 июня 1554 г. // Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. М., 1915. Вып. 1. С. 23–38. № 20.

¹²⁷ Немецкие тексты см.: Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd 5. № 184. S. 508–515.

¹²⁸ Подробнее см.: Tiberg E. Die politik Moskaus... S. 577–617; Попов В.Е. Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52–53; Попов В.Е., Филлюшкин А.И. Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 109–130.

¹²⁹ Маазинг М. «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 годы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1. С. 184–194.

¹³⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 344–347; Ниениметт Ф. Ливонская летопись // Там же. Рига, 1881. Т. 4. С. 12.

¹³¹ Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1876. Bd V. S. 462–463. № 910. — Перевод В.Е. Попова.

¹³² 1557. vor Sept., 29. Der Dörptischen Meinungsäusserung über die nach Moscau abzufertigende Gesandtschaft // Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1865. Bd. I. S. 30, 35. № 44.

¹³³ Оригинал грамоты опубликован: Попов В.Е., Филлюшкин А.И. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2010. С. 192–201.

¹³⁴ 1553 October 18, Kokenhusen. Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht // Herzog Albrecht von Preußen und Livland. Bd 57. S. 76–77. Nr. 1590.

¹³⁵ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 29, 31, 33; Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 400–401, 403.

¹³⁶ 1556 Januar 18, Ronneburg. Balthasar Gans an Herzog Albrecht // Herzog Albrecht von Preußen und Livland. Bd 57. S. 227. Nr. 1755.

¹³⁷ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // Ajalooarhiivi (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 7–10.

¹³⁸ OM Heinrich von Galen übersendet dem Rathe zu Reval die Artikel in Bezug auf die Einsetzung des Cadjuters, Herzogs Christoph zu Meklenburg, und auf die Zerhältnisse mit Russland, über welche Sonntag Reminiscere (8. März)

zu Wolmar auf dem Landtage verhandelt worden sole und über die er sich mit dem Erzbischof verlichen habe. D. D. Wenden, den 30. Januar 1556 // Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd. 5. S. 667–668. № 267.

¹³⁹ Выписка из инструкции рижского арх. Вильгельма депутатам Вольмарского ландтага. 21 февр. 1556 г. // НИОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. Т. 3 (зарубежная часть). № 599. Л. 22–26 об.

¹⁴⁰ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 34, 50; Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 405.

¹⁴¹ Собственно, измена заключалась в коммерческих махинациях и спекуляциях зерном, что подрывало поставки для ордена. (Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1551, August 14, Ronneburg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland. Bd 57. S. 2–3. Nr. 1528).

¹⁴² Renner J. Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hrsg. von Peter Karstedt (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek Lübeck N. R. Bd. 2). Lübeck, 1953. S. 8. О том, какое внимание в ливонском обществе в это время привлекала фигура Фюрстенберга, свидетельствует сочинение: Münster Jaspar. Wunderbarliche Handlung ds jetzigen Meysters auss Leyffland und seines Stellbruders oder Coadjutorn W. Fürstenberg und irem Anhang. 1556 // Latvijas Valsts vestures arhivs (Государственный исторический архив Латвии, г. Рига). F. 4038. Apr. 2. Nr. 326.

¹⁴³ Renner Johannes. Livländische Historien. S. 9. Документы миссии Ланского: Instructio... Regiae Poloniae... Joanni a Donaniow nominato Episcopo Samogitiae ad Magistrum Henreu de Gallen, Liuoniae Magistrum. 28.IV.1556 // Archiwum Glowne Akt Dawnych (Warszawa). Inwentarz Metryki Koronnej. LL (Libri Legationum) 14. Księga prowadzowa za podkanclerstwa Jana Ocieskiego, zawierająca wpisy spraw zagranicznych. 26.11.1547–10.04.1557. S. 344–346; Instructio... Nicolao Lanczki nuncio Regio...ad Archiepiscopu Rigen. 28 aprilis 1556 // Ibid. S. 346–349.

¹⁴⁴ Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 405.

¹⁴⁵ Grefenthal B. Liffländische Chronica // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. 5. S. 126.

¹⁴⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II. S. 410.

¹⁴⁷ Renner Johannes. Livländische Historien. S. 12.

¹⁴⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 410.

¹⁴⁹ Instructio Nomine Sacrae Regiae Maiestatis ad Henricum de Galen Livoniae Magistrum Generoso Samostrzelski data // [Dogiel M.] Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Vilnae, 1759. Т. V. P. 205. Nr. CXXII. Впрочем, как уверяли сами ливонцы, эти меры были приняты в порядке репрессалий в ответ на задержку полоцким воеводой уже оплаченного ливонцами зерна. (Mandata Legatis Statuum Livoniae, Vilnam die Dominico post Decollationis S. Joannis [2 сентября] 1556. a Magistro Ordinis transmissa, coram Sacra

Regia Maiestate Poloniae exponenda // Ibid. P. 208. Nr. CXXIV).

¹⁵⁰ Henning S. Livländische Churländische Chronica // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. II. S. 219; Formula Induciarum Livoniensum. Dat. in Venden die Dominico post Decollationis S. Joannis [2 сентября]. Anno 1556 // [Dogiel M.] Codex... Т. V. P. 204. Nr. CXXI; Schreiben des Revalschen Gesandten auf dem Landtage zu Wenden an den Revalschen Rath, mit Nachrichten über die Verhandlungen und politischen Neugkeiten. 16 Nov. 1556 // Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des letzten Erzbischofs von Riga, Markgr. Wilhelm von Brandenburg, und seine Zeit // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. 5. S. 684–685. Nr. 281.

¹⁵¹ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 67, 69–70.

¹⁵² Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 410.

¹⁵³ Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»... С. 43–44; Karwowski S. Wcielenie Inflant do Liwy i Polski... S. 29.

¹⁵⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 348, 351–353; Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер. с нем. В. Бука. СПб., 1912. С. 150–151; Lowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 562–566; Olewnik J. Polsko-Pruski plan... S. 401–406; Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 60. — О роли прусской дипломатии в конфликте подробнее см.: Wijaczka J. Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992. S. 95–103.

¹⁵⁵ Bielskij M. Kronika / Wyd. K. J. Turowski. Sanok, 1856. Т. II. S. 1132.

¹⁵⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 410.

¹⁵⁷ Грамота опубликована: Попов В.Е., Филюшкин А.И. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Вып. 2. С. 192–201.

¹⁵⁸ Bielskij M. Kronika. S. 1133.

¹⁵⁹ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 410.

¹⁶⁰ Die livl. Stände bewilligen die an den König von Polen zu zahlenden Kriegskosten mit einer Summe von 60, 000 Thalern. D. D. Riga, den 14. Sept. 1557 // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. 5. S. 703–705. Nr. 293.

¹⁶¹ Подробнее см.: Попов В.Е., Филюшкин А.И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184. Данная статья, написанная в соавторстве с В. Е. Поповым, легла в основу пятой главы.

¹⁶² Exhibitum Statibus Imperii anno MDLI. XX Januarii // Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 379. Nr. 382.

¹⁶³ Kampf W. Preussen, Polen und das Reich im 16. Jahrhundert // Altpreussische Forschungen. 1942. Bd 19. S. 219.

¹⁶⁴ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 59.

¹⁶⁵ Распоряжение об этом см.: Acta Livonica: Сборник документов, относящихся к Рижскому архиепископству и Ливонии. 1263–1561 гг. // РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 525. Л. 261 об.–264 об.

¹⁶⁶ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // Ajalooarhiivi (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 60–62.

¹⁶⁷ Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M., 1972. S. 111.

¹⁶⁸ Renner J. Livländische Historien. S. 15.

¹⁶⁹ Donnert E. Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 43–44; Czaplinski W. Nowa praca o kwestii bałtyckiej w potowie XVI w. // Zapiski historyczne. Torun, 1965. T. 30. S. 541; Королук В.Д. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI века. М., 1954. С. 27; Дербов Л.А. К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. С. 162; Бобышев В. Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1997. С. 51.

¹⁷⁰ Kirchner W. The rise of the Baltic question. Westport, 1970. P. 38.

¹⁷¹ Подробнее см.: Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 4.

¹⁷² Urban W. The Livonian Crusade. P. 484.

¹⁷³ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania. P. 22.

¹⁷⁴ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 92, 95, 97, 213.

¹⁷⁵ Грамота царя Ивана Васильевича магистру Ливонского ордена Вильгельму, архиепископу Рижскому, епископам и всем людям Ливонской земли с перечислением их неправд и объявлением войны. 1557 г., ноябрь // Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собрание С.В. Соловьева). Оп. 1. № 128. Столбец. Л. 1. Публикация: Попов В.Е., Филлюшкин А.И. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Вып. 2. С. 192–201

¹⁷⁶ Если только не считать таковыми косвенные указания позднего происхождения. См., например: 1558, Juni 5. Moskau. Antwort des Grossfürsten auf die Werbung der Gesandten des OM. und des B. von Dorpat // Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 / Hrsg. von Friedr. Bienemann. Bd. 1. Riga, 1865. S. 223, 226. Nr. 125; 1560, апреля – октября 1. Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу Никиту Семеновича Сущева с грамотою в ответ на грамоту, присланную с Мартыном Володковичем // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 610–611. № 41.

¹⁷⁷ О пограничных спорах и их значении для польско-литовского государства см.: Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556–1557 r. // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1908. T. 22. S. 344–351.

¹⁷⁸ Bielski M. Kronika. S. 1131–1133; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka... S. 409.

¹⁷⁹ Sarnicki St. Annales Polonorum, quibus augmenta et decrementa Regni: Mutationes item et progressions gentis explicantur. Cracovia, 1587. P. 400.

¹⁸⁰ Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»... С. 45.

Серия: «Ратное дело»

Александр Филюшкин

ЗАКАТ СЕВЕРНЫХ КРЕСТОНОСЦЕВ.

«Война коадьютеров» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.

Научный редактор серии: *А.В. Малов*

Макет и обложка: *В.А. Передерий*

Художник: *Ю.М. Юров*

Верстка: *М.Е. Кузнецова*

Корректор: *Ю.В. Хамзина*

Фонд «Русские Витязи»

125009, Москва, Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 690-27-98, 690-32-81

fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru

aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

Исполнительный директор: *Ю.М. Желтоногин*

Главный редактор: *О.Г. Леонов*

Руководитель издательских и медиа-проектов: *С.А. Попов*

Тираж 1200 экз.

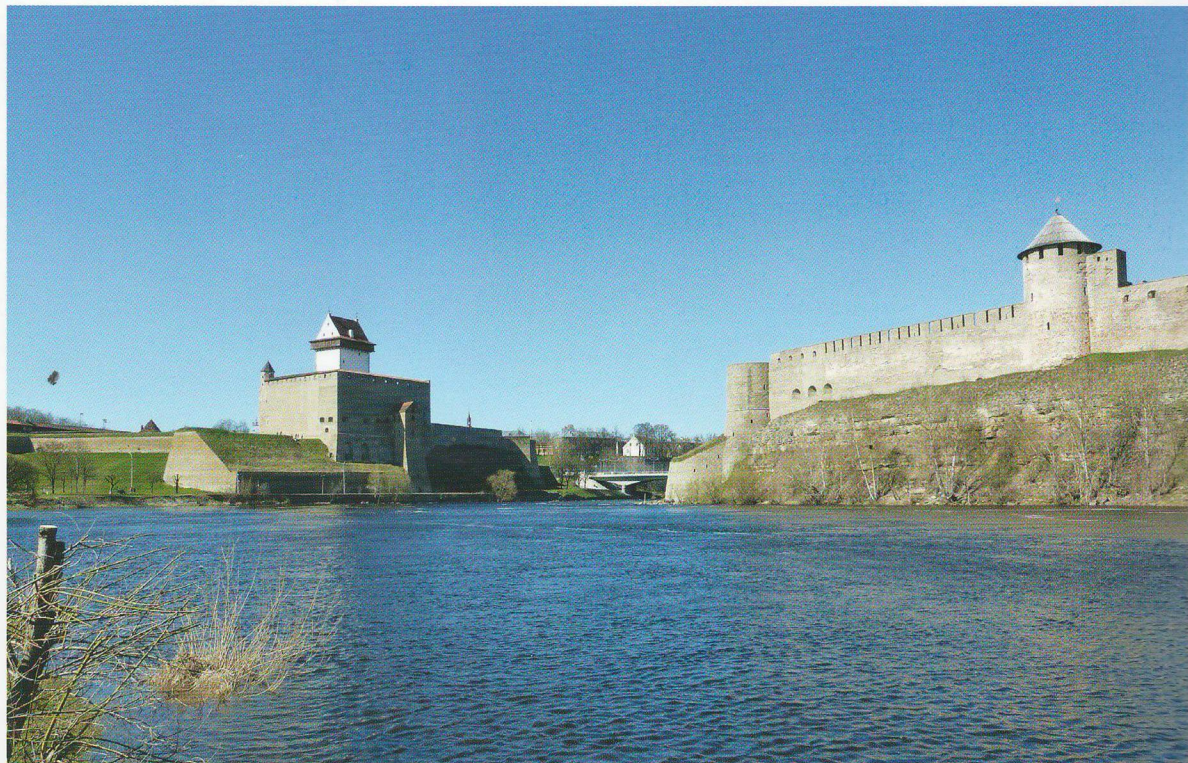
Формат 84 × 108/16

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк».

Украина, 61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51.

Тел.: + 38-057-717-53-57

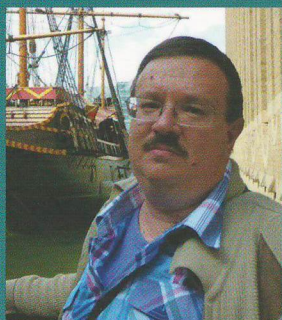
Заказ № 3758

*Граница двух миров — река Нарова между Нарвой и Ивангородом.
Фото А.И. Филюшкина*

Орденский замок в Вентспилсе (Виндаве), Латвия

Филлюшкин Александр Ильич. Родился в 1970 г. в Воронеже, окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Ученик известного историка Юга России, профессора В.П. Загоровского. После университета работал в гимназии, в 1994–2001 гг. — преподаватель кафедры истории России ВГУ. В 2001 г. переехал в Санкт-Петербург, в 2001–2014 гг. был собственным корреспондентом российского исторического журнала «Родина» по Санкт-Петербургу и Северо-Западу РФ, с 2004 г. работает в Санкт-Петербургском государственном университете, с 2006 г. заведует кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ. В 2007 г. защитил докторскую диссертацию (научный консультант профессор Р.Г. Скрынников). Автор 7 монографий по истории России в XV–XVI вв., в том числе двух книг в серии ЖЗЛ (Андрей Курбский. М., 2008; Василий III. М., 2010), книги по военной истории Ивана Грозного (Ivan the Terrible: A military history. London, 2008), книги по истории Балтийских войн России в XVI в. (Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013). Выпускающий редактор международного научного журнала по славистике «Studia Slavica et Balcasica Petropolitana».

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком.

В серии «Ратное дело» вышли следующие книги:

- И. Курукин.* На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг.
В.А. Артамонов. Дунайский поход Петра I. Русская армия в 1711 г. не была побеждена.
Д.С. Рябушкин. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г.
И.Б. Бабулин. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)
И.Б. Бабулин. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа.
А.Н. Лобин. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

Готовятся к выходу:

- О.Ю. Куц.* Азовское осадное сидение 1641 г.
Д.Н. Никитин, Н.И. Никитин. Покорение Сибири.
О.А. Курбатов, Я.Н. Рабинович. Борьба за Тихвин в 1613 г.

